

дѣйствительно „оказался не въ состояніи приступить къ чтенію лекцій въ теченіи всего 1904—1905 года“—только во все не по какой-либо неподготовленности, а просто потому, что уже тогда—оказалось—студенты съ недо вѣріемъ отнеслись къ его поспѣшному назначенію,—недо вѣріемъ, уврачевать которое была одна надежда—время. Какъ разъ *это* только можетъ быть подразумѣваемо и въ вышеупомянутомъ заявленіи Преосв. Ректора, а никакъ не „совершенная неподготовленность къ кафедрѣ о. Серафима“, какъ это тенденціозно „усматривается“ постановленіемъ изъ заявленія.

Что касается, затѣмъ, ссылки на „1½ (почти 2 учебныхъ) года“ бездѣятельности о. Серафима, то надлежитъ напомнить здѣсь, что во 1-хъ, значительная часть этого времени была бездѣятельностію не одного о. Серафима, а и всѣхъ остальныхъ членовъ академической корпораціи, благодаря студенческимъ забастовкамъ; во 2-хъ, „продолжительное освобожденіе о. Серафима отъ исполненія возложенныхъ на него обязанностей“ далеко не исключительный примѣръ, какъ показываетъ недавній аналогичный же случай освобожденія на цѣлыхъ 2 учебныхъ года Н. Л. Туницкаго отъ его обязанностей, для лучшей подготовки его къ своей кафедрѣ.

Все это не препятствуетъ, однако, мнѣ цѣликомъ принять пунктъ II постановленія Совѣта, гдѣ ходатайствуется о дарованіи о. Серафиму другого назначенія, — въ виду невозможнаго положенія, создаваемаго вообще для *монашествующихъ* въ *духовной* школѣ новѣйшими реформаціонными экспериментами въ духѣ „Временныхъ Правилъ“.

Особое мнѣніе заслуженнаго ординарнаго профессора М. Д. Муретова:

„Письменное заявленіе студентовъ о нежеланіи ихъ слушать лекціи іеромонаха Серафима, обсуждавшееся на Совѣтѣ 11-го апрѣля, представляетъ въ академической жизни при данныхъ условіяхъ, во 1-хъ, явленіе небывалое, академическимъ уставомъ и циркулярами Св. Синода еще не квалифицированное прямо и точно,—и, во 2-хъ, явленіе, могущее получить важное значеніе въ дальнѣйшемъ теченіи академической жизни и для опредѣленія отношеній академической корпораціи къ подобнымъ же явленіямъ.

Это заставляет меня сдѣлать, въ качествѣ особаго мнѣнія, два предложенія:

Первое. Какъ явленіе одинаково возможное и важное для всѣхъ академій, оно должно по своей формальной сторонѣ составить предметъ ихъ совмѣстнаго обсужденія, ибо если гдѣ, то здѣсь особенная есть нужда какъ во взаимообщеніи возрѣній и опыта, такъ и тѣмъ болѣе въ единообразіи, даже единодушій всѣхъ академическихъ корпорацій. Посему до и для окончательной выработки совѣтскаго опредѣленія по этому дѣлу нахожу необходимымъ освѣдомиться Совѣту о другихъ академіяхъ: были ли въ нихъ подобныя явленія, какія принимались мѣры и какъ вообще академическія корпораціи смотрятъ на эти явленія? Сужденіе всѣхъ академическихъ корпорацій по этому предмету, приведенное къ общей формулѣ, должно быть въ виду при составленіи новаго устава академическаго.

Второе. Обсуждавшееся явленіе хотя и частное, но для дальнѣйшей академической жизни не менѣе важное, чѣмъ сдѣланное въ Св. Синодѣ, въ нынѣшнемъ академическомъ году, заявленіе о недостаткахъ дѣйствующаго академическаго устава или обсужденіе проэкта новаго устава. И если въ обоихъ этихъ случаяхъ дѣло не ограничивалось опредѣленіемъ только присутствовавшихъ въ засѣданіяхъ Совѣта членовъ, но понадобились голоса и подписи отъ всей корпораціи, то и важность и обсуждавшагося въ Совѣтѣ 11-го апрѣля предмета заставляетъ меня думать, что мнѣнія о немъ и подписи нравственно обязаны и по корпоративной солидарности должны дать всѣ безъ исключенія члены академической корпораціи, участвовавшіе и подписавшіеся и въ вышеуказанныхъ двухъ случаяхъ, а именно какъ старѣйшіе—заслуженные профессора Академіи: В. О. Ключевскій, П. И. Казанскій, Н. Ѳ. Каптеревъ, Г. А. Воскресенскій, В. А. Соколовъ,—такъ и старшіе: ординарный профессоръ А. И. Введенскій и экстраординарный профессоръ А. П. Голубцовъ, равно и болѣе младшіе: экстраординарные профессора: В. Н. Мышцынъ, И. В. Поповъ, П. В. Тихомировъ, а также конечно и юнѣйшіе члены корпораціи: исправляющіе должность доцентовъ Е. А. Воронцовъ и А. П. Орловъ.

Оба эти предложенія были мною заявлены Совѣту 11 апрѣля. Первое, при баллотировкѣ, нашло себѣ сторонниковъ

въ лицѣ еще пяти членовъ Совѣта: Преосвященнаго Ректора, Отца Инспектора, заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ А. Д. Бѣляева и Н. А. Заозерскаго и экстраординарнаго профессора А. П. Шостына. А второе голосованію не подвергалось.

Желая отклонить возможность какого-либо неблагопріятнаго для меня чтенія заднихъ мыслей между строками этого моего особаго мнѣнія, заявляю, что формально и принципиально,—независимо отъ даннаго случая, какъ произшедшаго при особо-исключительныхъ условіяхъ, — по моему мнѣнію для студенческихъ корпорацій допустима возможность взаимодѣйствія съ корпораціями преподавательскими въ нѣкоторыхъ сторонахъ учено - учебной жизни академій, напримѣръ: заявленія о болѣе желательныхъ и удобныхъ для студентовъ извѣстнаго курса методахъ преподаванія какихъ-либо наукъ—чисто лекціонный или въ соединеніи съ семинаріями и собесѣдованіями, *ria desideria* по какому-либо отдѣлу программы на извѣстный годъ, желанія разработывать какія-либо темы въ семестровыхъ и кандидатскихъ сочиненіяхъ,—но конечно подъ непремѣннымъ условіемъ законосообразности этого взаимодѣйствія, т. е. чтобы всѣ случаи и способы онаго были напередъ строго и точно опредѣлены въ академическомъ уставѣ и не могли бы казаться самовольемъ“ *).

II апрѣля 1906 года.

№ 15.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Іосифъ, ординарные и экстраординарные профессеры и прочіе преподаватели Академіи, кромѣ ординарныхъ профессоровъ В. О. Ключевскаго и А. И.

---

*) 1. Заслуженный ординарный профессоръ А. Д. Бѣляевъ подписалъ означенный журналъ съ двумя оговорками: „во 1-хъ, при назначеніи О. Серафима Уставъ не былъ исполненъ только въ томъ, что О. Серафиму не было предложено читать пробныя лекціи; во 2-хъ, какъ въ текущемъ учебномъ году, такъ отчасти и въ истекшемъ О. Серафимъ не читалъ лекцій не по своей винѣ“.

2. Журвалъ этотъ въ Академію не возвращенъ и резолюція Его Высокопреосвященства на немъ неизвѣстна.

Введенскаго, экстраординарныхъ профессоровъ А. П. Голубцова, В. Н. Мышцына, И. В. Попова и П. В. Тихомирова, исправляющихъ должность доцента Е. А. Воронцова, іеромонаха Серафима (Остроумова) и А. П. Орлова и временнаго преподавателя—заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Ф. Каптерева.

Слушали: І. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1906 г. Марта 30. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 23 марта за № 3585:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства отъ 23 февраля сего года за № 74, по ходатайству Совѣта Московской Духовной Академіи объ утверженіи исправляющаго должность доцента сей Академіи Павла Соколова въ званіи экстраординарнаго профессора, на вакансію, освободившуюся за назначеніемъ Михаила Тарѣева ординарнымъ профессоромъ. Приказали: Исправляющаго должность доцента Московской Духовной Академіи по каедрѣ психологіи, магистра богословія Павла Соколова, избраннаго Совѣтомъ въ званіе экстраординарнаго профессора, утвердить въ таковомъ званіи, со дня избранія въ оное, именно—съ 4 февраля 1906 года; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: Объ утверженіи исправляющаго должность доцента Академіи по каедрѣ психологіи П. П. Соколова въ званіи экстраординарнаго профессора внести въ формулярный о службѣ его списокъ и сообщить Правленію Академіи,—для зависящихъ распоряженій.

ІІ. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналъ собранія Совѣта Академіи 21 марта, № 11: „1906 г. Апр. 4. Ходатайствовать“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

ІІІ. Отношенія:

а) Организационнаго Комитета по устройству Третьяго Областнаго Археологическаго Съѣзда въ гор. Владимірѣ отъ 24 марта за № 2:

„Несостоявшійся въ прошломъ году Третій Областной Историко - Археологическій Съѣздъ вновь назначенъ на 20 по 30 іюня сего 1906 года въ гор. Владимірѣ, по той же про-

граммъ, утвержденной г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 26 ноября 1903 года. Во время Съѣзда предполагаются экскурсіи для осмотра древностей въ гор. Суздаль и въ другія, заслуживающія вниманія въ археологическомъ отношеніи, мѣстности Владимірской губерніи. Для всѣхъ иногороднихъ членовъ и депутатовъ, которые сообщать заблаговременно о своемъ намѣреніи прибыть на Съѣздъ, будутъ въ гор. Владимірѣ приготовлены бесплатныя помѣщенія.

Сообщая объ этомъ, Организационный Комитетъ по устройству Областного Съѣзда имѣетъ честь покорнѣйше просить Московскую Духовную Академію принять въ немъ участіе въ лицѣ своихъ представителей, о назначеніи коихъ съ указаніемъ ихъ адресовъ, заблаговременно извѣститъ Организационный Комитетъ“.

б) Совѣта Педологическихъ курсовъ, организованныхъ въ 1904 году при Педагогическомъ Музеѣ военно-учебныхъ заведеній, отъ 29 марта (на имя экстраординарнаго профессора Академіи П. П. Соколова):

„Не откажитесь сообщить въ засѣданіи Совѣта Академіи, что Временная Комиссія, по организациіи перваго всероссійскаго съѣзда по педагогической психологіи (проектъ котораго при семъ прилагается) имѣетъ честь покорнѣйше просить почитать предстоящій съѣздъ назначеніемъ своего делегата“.

Справка: По опредѣленію Совѣта Академіи отъ 13 сентября 1904 года депутатами отъ Академіи на предполагавшійся въ 1905 году (съ 20 по 30 іюня) Третій Областной Археологическій Съѣздъ въ гор. Владимірѣ назначены были: экстраординарный профессоръ по кафедрѣ церковной археологіи и литургики *А. П. Голубцовъ* и исправляющій должность доцента Академіи по кафедрѣ русской церковной исторіи *С. И. Смирновъ*, при чемъ Совѣтъ Академіи тогда же просилъ ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ отпускѣ потребной въ пособіе профессору Голубцову и и. д. доцента Смирнову на путевые расходы и содержаніе въ гор. Владимірѣ суммы въ размѣрѣ, какой благоугодно будетъ опредѣлить Святѣйшему Синоду.

Опредѣлили: 1) На Третій Областной Археологическій Съѣздъ въ гор. Владимірѣ назначить отъ Академіи прежде избранныхъ депутатовъ—экстраординарнаго профессора *А. П. Голубцова* и исправляющаго должность доцента *С. И. Смир-*

нова.—2) Депутатами отъ Академіи на первый всероссійскій съѣздъ по педагогической психологіи назначить экстраординарныхъ профессоровъ: по кафедрѣ пастырскаго богословія и педагогики—*А. П. Шостына* и по кафедрѣ психологіи—*П. П. Соколова*, изъявившихъ на то свое согласіе.—3) Возобновить установленнымъ порядкомъ ходатайство предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ отпускѣ изъ находящихся въ распоряженіи Святѣйшаго Синода суммъ въ пособіе назначеннымъ депутатамъ на путевые расходы и содержаніе въ г.г. Владимірѣ и С.-Петербургѣ по 150 рублей на каждого, а всего 600 руб.

IV. Прошеніе преподавателя Томской духовной семинаріи *іеромонаха Игнатія (Дверницкаго)*:

„Честь имѣю просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи выслать мнѣ по мѣсту настоящаго моего служенія мое кандидатское сочиненіе на тему—„Образованіе Отцовъ-проповѣдниковъ IV вѣка“, разрѣшивъ переработать его въ магистерскую диссертацию съ оставленіемъ той же темы“.

Опредѣлили: Увѣдомить іеромонаха Игнатія, что, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 30 апрѣля 1897 года, выдача на руки и высылка кандидатскихъ сочиненій ихъ авторамъ прекращена; переработка же кандидатскихъ сочиненій въ магистерскія диссертациі, по опредѣленію отъ 21 февраля сего 1906 года, разрѣшена на будущее время всѣмъ окончившимъ академическій курсъ, безъ предварительнаго испрошенія на то согласія Совѣта Академіи, подъ ихъ собственною отвѣтственностью.

V. Заявленіе Преосвященнаго Ректора Академіи о томъ, что возвратившіеся, по окончаніи военныхъ дѣйствій, съ Дальняго Востока студенты—священникъ Владиміръ Боголюбовъ и Христофоръ Соболевъ, по опредѣленіямъ Совѣта Академіи отъ 3 іюня 1904 года и 29 мая 1905 года переведенные: первый—въ IV-й, а послѣдній—во II-ой курсъ подъ условіемъ удовлетворительной сдачи ими, по возвращеніи изъ отпуска, устныхъ испытаній по тѣмъ предметамъ, которые они слушали въ 1903—1904 учебномъ году, выполнили означенное условіе и получили слѣдующіе баллы: а) *священникъ Владиміръ Боголюбовъ*: по Священному Писанію Новаго Завѣта—5—, педагогикѣ—4, гомилетикѣ и исторіи проповѣдничества—4+, церковному праву—5—, исторіи западныхъ исповѣданій—4½, исторіи русскаго раскола—4 и гре-

ческому языку—4; б) *Христофоръ Соболевъ*: по библейской исторіи—5, введенію въ кругъ богословскихъ наукъ—5—, метафизикѣ и логикѣ—4, еврейскому языку—3; теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ—5, латинскому языку—4^{1/2} и англійскому языку—3.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VI. Прошеніе *студентовъ Академіи* (за подписью общаго дежурнаго):

„Собравшись 25 сего февраля, студенты всѣхъ курсовъ постановили просить Совѣтъ Академіи внести слѣдующія измѣненія въ порядокъ пользованія студентами фундаментальной и студенческой библіотеками и читальней:

а)—изъ фундаментальной библіотеки всѣ книги, за исключеніемъ наиболѣе цѣнныхъ рукописей и изданій, выдавать студентамъ по простому требованію. Въ настоящее время для полученія многихъ книгъ, такъ называемыхъ запрещенныхъ, на примѣръ, заграничнаго изданія соч. Толстого, журнала „Отечественныя Записки“, требуется особое разрѣшеніе отъ Преосвященнаго Ректора.

б)—студенческую библіотеку и читальню предоставить въ полное вѣдѣніе студентовъ. Въ настоящее время книги и журналы, поступающіе въ библіотеку, подлежатъ инспекціонной цензурѣ: списки назначенныхъ къ выпискѣ книгъ утверждаются Преосвященнымъ Ректоромъ; всѣ періодическія изданія каждодневно, прежде поступленія въ читальню, подвергаются разсмотрѣнію и цензурѣ Ректора, внѣшній порядокъ читальни, ея открытіе и закрытіе также регулируются инспекціей, независимо отъ студенческихъ желаній и интересовъ“.

б) Заявленіе библіотекаря Академіи *К. М. Попова*:

„По поводу поступившаго въ Совѣтъ Академіи прошенія студентовъ имѣю честь объяснить Совѣту слѣдующее:

1) Я полагаю бы возможнымъ выдавать заграничныя изданія сочиненій гр. Л. Н. Толстого безъ всякаго разрѣшенія въ виду того, что теперь эти сочиненія начали выходить и въ русскихъ изданіяхъ и стали общедоступными.

2) Я полагаю бы возможнымъ выдавать студентамъ безъ всякаго разрѣшенія, на одинаковыхъ съ другими журналами основаніяхъ, журналъ „Отечественныя Записки“ въ виду того, что спросъ на него, по моимъ наблюденіямъ, не-

великъ и не можетъ отразиться на цѣлости и сохранности экземпляра этого журнала, имѣющагося въ библіотекѣ.

3) Въ отношеніи же рукописей и цѣнныхъ изданій я полагаю бы остаться для студентовъ въ прежнемъ положеніи, т. е. выдавать ихъ для просмотра и чтенія въ помѣщеніи библіотеки безъ всякаго разрѣшенія, а для выноса ихъ изъ библіотеки студентамъ получать разрѣшеніе отъ Ректора Академіи, или записку отъ профессора, удостовѣряющаго нужду въ томъ.

Къ сему имѣю честь присовокупить, что составить полный списокъ цѣнныхъ изданій, которыя не подлежатъ свободной выдачѣ, въ виду многочисленности этихъ изданій въ библіотекѣ, очень затруднительно, да и едва-ли возможно. Посему не благоугодно-ли будетъ Совѣту Академіи предоставить библіотекаря по его усмотрѣнію опредѣлять, какія изданія не подлежатъ свободной выдачѣ студентамъ, по своей цѣнности“.

Справка: 1) § 129 устава духовныхъ академій: „Въ академіи дозволяется имѣть и особую студенческую библіотеку. Наблюденіе за составомъ и пополненіемъ таковой библіотеки принадлежитъ ректору, безъ разрѣшенія котораго не должна поступать въ оную ни одна книга, журналъ или газета. Надзоръ же за благоустройствомъ библіотеки и порядкомъ пользованія книгами возлагается на инспектора академіи“.— 2) Указъ Святѣйшаго Синода отъ 13 мая 1891 года за № 1956 о благоустройствѣ студенческихъ библіотекъ при духовныхъ академіяхъ.—3) Составленныя Совѣтомъ Академіи въ собраніи 6 іюня 1891 года и утвержденныя Его Высокопреосвященствомъ правила о чтеніи студентами книгъ изъ библіотеки.

Опредѣлили: 1) Выдачу студентамъ книгъ изъ фундаментальной библіотеки разрѣшить на основаніяхъ, изложенныхъ въ заявленіи г. библіотекаря Академіи, предоставивъ послѣднему опредѣлять, по его усмотрѣнію, какія изданія не подлежатъ свободной выдачѣ студентамъ, по своей цѣнности.—2) Впредь до пересмотра Совѣтомъ правилъ о студенческой библіотекѣ, просить Преосвященнаго Ректора Академіи внести возможные облегченія какъ въ надзоръ за ея пополненіемъ, такъ и въ способахъ пользованія выписываемыми въ библіотеку книгами, журналами и газетами.

VII. Прошение *студентовъ Академіи* (за подписью общаго дежурнаго):

„Нѣскольکو лѣтъ назадъ, послѣ извѣстной нечаевской ревизіи, изъ студенческой библіотеки были отобраны нѣкоторыя книги (нѣскольکو десятковъ) и переданы на храненіе въ фундаментальную академическую библіотеку. Не находя въ настоящее время никакихъ основаній для продолженія запрета на упомянутыя книги, мы, студенты Московской Духовной Академіи, просимъ Совѣтъ сдѣлать соотвѣтствующее распоряженіе о возвращеніи студенческой библіотекъ ея конфискованныхъ книгъ“.

Справка: 1) Въ представленіи бывшаго Ректора Академіи Архимандрита Лавренція, коимъ онъ докладывалъ Совѣту (въ собраніи 18 сентября 1896 г.) о томъ, что имъ и Правленіемъ Академіи приняты мѣры къ устраненію нѣкоторыхъ прописанныхъ въ указѣ Святѣйшаго Синода отъ 5 сентября 1896 года за № 4395 непорядковъ академической жизни, между прочимъ значится: „Студенческая библіотека, по моему порученію, пересмотрѣна и. д. инспектора Академіи экстраординарнымъ профессоромъ Героеемъ Татарскимъ и книги, не разрѣшенныя къ употребленію, исключены изъ нея и переданы въ фундаментальную библіотеку“.—Требованіе: „книги непозволительныя изъять изъ студенческой библіотеки, и впредь не пріобрѣтать ни покупкою, ни дареніемъ“,—повторено было и во второмъ указѣ Святѣйшаго Синода по поводу ревизіи, отъ 14 февраля 1897 года за № 802.—2) Изъ приложеннаго къ вышеупомянутому представленію Ректора Академіи списка видно, что и. д. инспектора Академіи экстраординарнымъ профессоромъ І. А. Татарскимъ изъяты были изъ студенческой библіотеки слѣдующія книги и брошюры:

1. Беджготъ. В. Естествознаніе и политика.
- Бехеръ. Э. Рабочій вопросъ въ его современномъ значеніи.
- Бибииковъ. Критическіе этюды.
- Гексли. О положеніи человѣка въ ряду органическихъ существъ.
5. Дебэ. Гигіена и фізіологія брака.
- Добролюбовъ. Сочиненія, т. 1—4.
- Жуковскій. Исторія политической литературы XIX столѣтія.

- Золя, Э. Западня.
- Кетлэ. Человѣкъ и развитіе его способностей.
10. Левитовъ. Повѣсти и рассказы.
- Левитовъ. Жизнь московскихъ закоулковъ.
- Левитовъ. Собраніе сочиненій, т. 1—2.
- Льюисъ и Милль. Огъетъ Контъ и положительная философія.
- Лѣсковъ. Мелочи архіерейской жизни.
15. Лѣтневъ. Внѣ общественныхъ интересовъ.
- Милль. Основанія политической экономіи, т. 2.
- Милль. Подчиненность женщины.
- Михайловскій. Сочиненія т. 1—6.
- Михайловъ. Ассоціаціи.
20. Михайловъ, А. Паденіе.
- Михайловъ, А. Алчущіе.
- Михайловъ, А. Безпечальное житъе.
- Михайловъ, А. Сочиненія т. 1—6.
- Михайловъ, А. Скользкій путь.
25. Михайловъ, А. Загубленная жизнь.
- Михайловъ, А. Блага жизни.
- Михайловъ, А. Изъ-за власти.
- Мишла. „Въ Дали“, рассказы.
- Мордовцевъ. Политическія движенія русскаго народа, т. 1—2.
30. Нефедовъ. Очерки и рассказы.
- Нефедовъ, Сочиненія, т. 1—2.
- Писаревъ. Сочиненія, т. 1—6.
- Помяловскій. Сочиненія, т. 1.
- Приклонскій. Народная жизнь на сѣверѣ.
35. Рошфоръ. Осужденный на смерть.
- Рѣшетниковъ. Сочиненія, т. 2.
- Рѣшетниковъ. Глумовы.
- Рѣшетниковъ. Свой хлѣбъ.
- Рѣшетниковъ. Подлиповцы.
40. Слѣпцовъ. Очерки и рассказы.
- Спенсеръ. Основанія науки о нравственности.
- Спенсеръ. Основанія социологіи, т. 1—2.
- Суворинъ. Въ концѣ вѣка.
- Сѣченовъ. Психологическіе этюды.
45. Фогтъ. Человѣкъ и его мѣсто въ мірозданіи.

Шелгуновъ. Очерки русской жизни.

Шелгуновъ. Сочиненія, т. 1—2.

Шерръ. Комедія всемірной исторіи.

Щаповъ. Естественнo-психологическія условія умственнаго и соціальнаго развитія русскаго народа.

50. Щаповъ. Земство и расколъ.

Юмансъ, Э. Новѣйшее образованіе.

Штевенъ. Изъ записокъ сельской учительницы.

Слѣпцовъ. Полное собраніе сочиненій.

Сборники: Изъ журнала „Современникъ“, т. 1—2.

55. Сборникъ изъ журнала „Слово“, т. 1—4.

56. Сборникъ изъ журнала „Отечественныя Записки“, т. 1—2.

Опредѣлили: Изъятія въ 1896 г. изъ студенческой библіотеки книги и брошюры возвратитъ въ оную по составленному тогда и приведенному въ справкѣ списку, о чемъ и сообщить г. библіотекарю Академіи къ исполненію.

VIII. Прошеніе *студентовъ Академіи* (за подписью общаго дежурнаго):

„Въ виду неудобствъ, съ какими связано обсужденіе общестуденческихъ вопросовъ при отсутствіи соотвѣтствующаго помѣщенія для собраній, студенты всѣхъ курсовъ постановили: просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи разрѣшить имъ пользоваться для общестуденческихъ собраній первой аудиторіей“.

Опредѣлили: Объявить студентамъ, что Совѣтъ Академіи, съ своей стороны, не встрѣчаетъ препятствій къ разрѣшенію имъ пользоваться, по окончаніи лекцій, для общестуденческихъ собраній аудиторіей № 1, но не усматриваетъ въ настоящее время возможности практическаго осуществленія этого постановленія, въ виду послѣдовавшаго 13 декабря 1905 года, на основаніи положеніи о чрезвычайной охранѣ, и до сего времени не отмѣненнаго обязательнаго постановленія Г. Московскаго Генералъ-Губернатора о запрещеніи сходокъ какъ въ г. Москвѣ, такъ и во всей Московской губерніи.

IX. Прошенія вольныхъ слушателей академическихъ лекцій:

а) *Священника Николая Ремизова*: „Я состою два года вольнослушателемъ при Московской Духовной Академіи. Слушая академическія лекціи, я наравнѣ съ студентами академіи

писалъ и семестровыя работы. Въ послѣднее время Св. Синодъ разрѣшилъ мнѣ, какъ женатому священнику, держать пріемные экзамены на званіе студента Академіи, въ чемъ прежде мнѣ два раза было отказано даже по двумъ прошеніямъ моимъ на Высочайшее Имя. Въ настоящее время я хотѣлъ бы воспользоваться предоставленнымъ мнѣ правомъ и зачислиться студентомъ Академіи, при этомъ я покорнѣйше просилъ бы Совѣтъ Академіи зачислить мнѣ и два года моего слушанія лекцій при Академіи, съ зачетомъ мнѣ выполненныхъ мною за это время семестровыхъ работъ,—по выдержаніи мною, конечно, пріемныхъ и курсовыхъ экзаменовъ. Пріемные экзамены я намѣренъ держать вмѣстѣ со всѣми въ августъ мѣсяцѣ. Въ настоящее время мнѣ хотѣлось бы, въ виду того, что я состою вольнослушателемъ 2 курса, держать курсовые экзамены со второго на третій курсъ, почему я и обращаюсь въ Совѣтъ Академіи съ покорнѣйшею просьбой,—разрѣшить мнѣ держать названные экзамены вмѣстѣ съ студентами 2 курса въ семь апрѣль мѣсяцѣ текущаго года, съ тѣмъ, чтобы по выдержаніи мною пріемныхъ испытаній и экзаменовъ съ перваго на второй курсъ, эти напередъ выдержанные мною экзамены со второго на третій курсъ были зачислены мнѣ. Начинать же, по выдержаніи мною пріемныхъ экзаменовъ, академическій курсъ лекцій снова и только для этого держать и самые пріемные экзамены, для меня будетъ нравственно крайне тяжело, не такъ ужъ интересно,—и кромѣ того, пожалуй, уже и не по средствамъ, послѣ двухлѣтняго содержанія въ Академіи, въ качествѣ заштатнаго священника“.

б) *Николая Ермолаева*: „Покорнѣйше прошу Совѣтъ г.г. профессоровъ Московской Духовной Академіи разрѣшить мнѣ держать переходные экзамены на второй курсъ во время, назначенное для студентовъ I курса, а семестровое сочиненіе по иностранной литературѣ подать въ концѣ лѣтнихъ каникулъ“.

Справка: По опредѣленіямъ Совѣта Академіи отъ 23 августа 1904 г. и 13 августа 1905 года, священникъ Ремизовъ и г. Ермолаевъ, на основаніи указа Святѣйшаго Синода отъ 8 апрѣля 1902 г. за № 2737, допущены были къ слушанію академическихъ лекцій безъ предоставленія имъ какихъ-

либо правъ въ отношеніи къ соисканію академическихъ степеней и званій.

· Опредѣлили: Въ виду изложеннаго въ справкѣ, просьбы вольнослушателей Академіи священника Николая Ремизова и Николая Ермолаева о разрѣшеніи имъ держать переводные экзамены наравнѣ со студентами Академіи отклонить, о чемъ и увѣдомить ихъ черезъ Канцелярію.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства за № 261: „Возвратить“.

22 апрѣля 1906 года.

№ 16.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евлокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Іосифъ, ординарные и экстраординарные профессеры и прочіе преподаватели Академіи, кромѣ ординарныхъ профессоровъ—В. О. Ключевскаго, А. Д. Бѣляева, Н. А. Заозерскаго и А. И. Введенскаго, экстраординарныхъ профессоровъ—А. П. Шостыина, А. П. Голубцова, П. П. Соколова, А. А. Спасскаго и П. В. Тихомирова, исправляющихъ должность доцента—И. М. Громогласова, Е. А. Воронцова, Д. Г. Коновалова и іеромонаха Серафима (Остроумова).

Слушали: Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1906 г. Апр. 19. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 19 апрѣля за № 4407:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: донесеніе Вашего Преосвященства, отъ 14 сего апрѣля за № 190, въ коемъ представляете на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода постановленіе Совѣта Московской духовной академіи, состоявшееся въ экстренномъ засѣданіи 30 минувшаго марта, въ великій четвергъ, о производствѣ выпускныхъ и переводныхъ испытаній въ академіи съ 12 сего апрѣля съ окончаніемъ оныхъ не позже 5 мая. Приказали: Имѣя въ виду, что по § 117 Устава дух. академій академическій годъ продолжается до 15 іюня, и принимая во вниманіе, что лекціи въ Московской духовной академіи въ текущемъ учебномъ году

начались только съ конца января и что основаній къ окончанію занятій въ академіи ранѣе установленнаго срока въ постановленіи Совѣта академіи не указано, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: предписать Совѣту Московской духовной Академіи закончить учебный годъ, на точномъ основаніи академическаго Устава, не ранѣе 15 іюня; если же по особому основанію представлялась бы надобность отступить отъ требованій Устава, то необходимо ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ о разрѣшеніи на то, съ представленіемъ соображеній, къ сему побуждающихъ; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: Просить Его Высокопреосвященство представить Святѣйшему Синоду, что:

1) Лекціи въ Московской Духовной Академіи въ текущемъ учебномъ году начались непосредственно послѣ пріемныхъ испытаній—въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1905 года, продолжались до 5 октября и возобновлены, послѣ перерыва, 13 января 1906 года, а не въ концѣ этого мѣсяца.

2) Назначая производство выпускныхъ и переводныхъ испытаній студентовъ Академіи съ 12 апрѣля 1906 года, Совѣтъ Академіи не сдѣлалъ слишкомъ большого отступленія отъ установившейся въ Московской Духовной Академіи нормы: уже много лѣтъ сряду экзамены въ Московской Академіи начинались съ 1-го мая, а въ минувшемъ 1905-мъ году, напримѣръ,—по утвержденному Его Высокопреосвященствомъ росписанію,—даже съ 28 апрѣля, при чемъ обычно чтеніе лекцій прекращалось дней за 7—10 до этого срока, дабы дать студентамъ возможность провѣрить записи лекцій и подготовиться къ испытаніямъ.—Въ текущемъ году этой льготы студентамъ предоставлено не было.

3) Постановленіе Совѣта Академіи отъ 30-го минувшаго марта вовсе не означало, что и учебный академическій годъ также долженъ окончиться *не позже 5 мая*, вмѣстѣ съ окончаніемъ устныхъ испытаній, свидѣтельствомъ чему можетъ служить давнее прежде Совѣтомъ студентамъ IV курса разрѣшеніе представить ихъ сочиненія на степень кандидата богословія къ 15-му мая.—Предназначая вторую половину мая мѣсяца на чтеніе означенныхъ сочиненій, оцѣнку и составленіе отзывовъ о нихъ подлежащими наставниками, Со-

вѣтъ Академіи имѣлъ въ виду произвести присужденіе степени кандидата богословія и званія дѣйствительнаго студента оканчивающимъ академическій курсъ и переводъ студентовъ первыхъ трехъ курсовъ въ слѣдующіе курсы въ обычный для Московской Духовной Академіи, установленный многолѣтнею, не вызывавшею доселѣ возраженій практикою, срокъ, именно—въ первыхъ числахъ іюня мѣсяца.—Такимъ образомъ въ отношеніи производства испытаній въ текущемъ учебномъ году Совѣтъ Московской Духовной Академіи поступилъ такъ же, какъ и Совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи, съ тою лишь разницею, что въ послѣдней студентамъ IV курса для окончанія кандидатскихъ сочиненій предоставленъ срокъ до устныхъ испытаній, а въ первой—послѣ оныхъ. 7

4) Постановленіе Совѣта объ ускоренномъ производствѣ испытаній и отпускъ на лѣтнія каникулы студентовъ первыхъ трехъ курсовъ вызвано было незаконнымъ и безтактнымъ вмѣшательствомъ мѣстной полиціи во внутреннюю жизнь Академіи, которое могло повлечь за собою студенческія волненія и закрытіе Академіи гражданскою властью, на основаніи распространеннаго на всю Московскую губернію положенія о чрезвычайной охранѣ.

Со дня возобновленія занятій въ Академіи — 13 января 1906 года—академическая жизнь протекала вполнѣ спокойно и Совѣтъ Академіи не далѣе, какъ въ собраніи 21 марта, обсуждая вопросъ объ окончаніи учебнаго года, предположилъ закончить чтеніе лекцій 26 апрѣля, а съ первыхъ чиселъ мая приступить къ производству устныхъ испытаній.— Но 23 марта, по распоряженію Г. Московскаго Губернатора, основанному на донесеніи мѣстной полиціи, неожиданно были арестованы и заключены въ тюрьму на трехмѣсячный срокъ два студента, извѣстные Совѣту съ самой лучшей стороны,—за мнимое нарушеніе обязательнаго постановленія Г. Московскаго Генераль-Губернатора отъ 13 декабря 1905 г., воспрещающаго собранія и сходки.—По вмѣшательству Совѣта студенты эти черезъ недѣлю были освобождены изъ заключенія, чѣмъ, конечно, косвенно была признана со стороны полиціи и неосновательность ареста.—Вынужденный возникшимъ по этому поводу вполнѣ понятнымъ возбужденіемъ студентовъ неоднократно собираться (не вопреки своей

христіанской совѣсти) въ дни Страстной седмицы, Совѣтъ, между прочимъ, на экстренномъ собраніи въ Великій Четвергъ постановилъ ускорить производство экзаменовъ съ цѣлю уберечь студентовъ отъ какихъ-либо необдуманныхъ поступковъ, весьма возможныхъ въ виду вызывающаго поведенія и безтактныхъ, рѣшительно ничѣмъ не вызванныхъ, угрозъ мѣстной полиціи.—

5) Постановленія этого Совѣтъ не счелъ удобнымъ въ свое время и нужнымъ мотивировать, въ виду того, между прочимъ, что опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058 „назначеніе времени и порядка производства испытаній въ Академіи“ отнесено въ разрядъ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи. О мнимо-мъ же противорѣчіи его требованіямъ § 117-го устава духовныхъ академій Совѣтъ, намѣревавшійся (какъ сказано выше) закончить учебный годъ въ обычное для Московской Духовной Академіи время, и не имѣлъ побужденій входить въ сужденіе.—Тѣмъ не менѣе, Совѣтъ полагаетъ, что если бы, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ переживаемаго государствомъ момента, онъ, руководясь правильно понятыми интересами Академіи, пришелъ къ заключенію о необходимости закончить учебный годъ ранѣе назначеннаго § 117-мъ устава срока, то имѣлъ бы полное основаніе рѣшить этотъ вопросъ собственною властію, въ виду указаній, преподанныхъ въ послѣднее время самимъ Святѣйшимъ Синодомъ.—Когда въ январѣ мѣсяцѣ текущаго 1906 года Совѣтъ Академіи обратился къ Святѣйшему Синоду съ ходатайствомъ о разрѣшеніи назначить студентамъ первыхъ трехъ курсовъ лишь по два семестровыхъ сочиненія, Святѣйшій Синодъ, указомъ отъ 14 февраля 1906 года за № 1765, разъяснилъ, что это ходатайство о сокращеніи для студентовъ количества семестровыхъ сочиненій въ текущемъ учебномъ году подлежитъ, по 4 п. временныхъ правилъ для духовныхъ академій („Совѣту должно быть предоставлено окончательное утвержденіе въ ученыхъ академическихъ степеняхъ и самостоятельное въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, разрѣшеніе учебныхъ и воспитательныхъ вопросовъ“), разрѣшенію самого Совѣта.—А между тѣмъ § 123-й, требующій, чтобы „въ теченіи года въ первыхъ трехъ курсахъ студентамъ назначалось не менѣе трехъ сочиненій“, и до сего

времени занимает такое же мѣсто въ уставѣ, какъ и § 117-й.

6) Не получивъ никакого извѣщенія о томъ, что постановленіе отъ 30 марта опротестовано и представлено на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода (журналь собранія 30 марта и до сего дня въ Академію не возвращенъ), Совѣтъ Академіи въ назначенный срокъ—12 апрѣля—приступилъ къ производству устныхъ переводныхъ и выпускныхъ испытаній студентовъ Академіи.—Ко дню настоящаго собранія (22 апрѣля) выпускные экзамены студентовъ IV курса уже закончены; 24—26 апрѣля оканчиваютъ испытанія и студенты I курса.—Въ виду этого Совѣтъ Академіи не усматриваетъ рѣшительно никакой возможности отступить въ чемъ-либо отъ своего постановленія, состоявшагося 30 марта.

На семь журналь резолюція Его Высокопреосвященства „1906 г. Апр. 27. Доложить (и доложено) о семь Св. Синоду“.

1 мая 1906 года

№ 17.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Іосифъ; временный преподаватель—заслуженный ординарный профессоръ П. И. Цвѣтковъ; заслуженные ординарные профессора—В. О. Ключевскій, А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ; ординарный профессоръ М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. А. Спасскій, И. В. Поповъ и Н. Г. Городенскій; исправляющіе должность доцента—И. М. Громогласовъ, С. И. Смирновъ, Д. Г. Коноваловъ и Н. Л. Туницкій.

Слушали: I. а) Отношеніе Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ отъ 25 апрѣля за № 685:

„Препровождая при семь прошеніе псаломщика Псковоградской Бутырской Успенской церкви Θεодора Суетова о разрѣшеніи ему подвергнуться приемнымъ испытаніямъ при Московской Духовной Академіи въ началѣ 1906—1907 учебнаго года, не смотря на его положеніе женатаго, Учебный Комитетъ имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи сообщить свой отзывъ по содержанію просьбы Суетова“.

б) Прошение на имя Преосвященнаго Предсѣдателя Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ псаломщика Псковградской Бутырской Успенской церкви *Теодора Суцова*:

„Въ 1905 году я окончилъ курсъ ученія въ Псковской Духовной Семинаріи съ званіемъ студента. По семейнымъ обстоятельствамъ я не могъ тогда же воспользоваться предложеніемъ Семинарскаго Начальства—ѣхать на казенный счетъ въ одну изъ Духовныхъ Академій для продолженія образованія. Все же желаніе поучиться въ высшей богословской школѣ меня ни на минуту не покидало и не покидаетъ, хотя я навсегда, повидимому, сдѣлался пасынкомъ судьбы, для котораго двери всѣхъ Академій оказались закрытыми: я вступилъ въ первый законный бракъ....

Не получая удовлетворенія въ такъ называемомъ самообразованіи и чувствуя сильную жажду въ наукѣ, я осмѣливаюсь всепокорнѣе просить Васъ, Ваше Преосвященство, дозволить мнѣ, лицу женатому, подвергнуться пріемнымъ испытаніямъ при Московской Духовной Академіи въ будущемъ 1906—1907 учебномъ году на одинаковыхъ правахъ съ холостыми студентами семинарій.

При этомъ считаю удобнымъ замѣтить, что подлежу отбыванію воинской повинности еще въ 1907 году, такъ что съ этой стороны для моего поступленія въ Академію никакихъ препятствій не предвидится“.

Опредѣлили: Увѣдомить Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ, что Совѣтъ Академіи въ собраніи 21 марта текущаго года, при обсужденіи вопроса о вызовѣ воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ составъ новаго академическаго курса, постановилъ возбудить предъ Святѣйшимъ Синодомъ общее ходатайство о разрѣшеніи допускать въ текущемъ году къ пріемнымъ испытаніямъ для поступленія въ Академію и лицъ женатыхъ.—Представленіемъ Его Высокопреосвященства, отъ 5 апрѣля сего года за № 131, означенное ходатайство и передано уже на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода.

II. Прошенія:

а) Студента II курса Академіи *Ивана Преображенскаго*:

„По семейнымъ обстоятельствамъ я вынужденъ оставить Академію, почему и прошу Совѣтъ Московской Духовной

Академіи, уволивъ меня изъ состава студентовъ Академіи, выдать мнѣ документы“.

б) Студента I курса Академіи *Александра Снѣгирева*:

„Имѣя необходимость по семейнымъ обстоятельствамъ уволиться изъ Академіи, прошу Совѣтъ Академіи выдать мнѣ мои документы“.

Справка: 1) Студенты Иванъ Преображенскій и Александръ Снѣгиревъ на устныхъ испытаніяхъ по предметамъ II и I курсовъ, бывшихъ въ минувшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и на письменныхъ работахъ получили баллы вполне удовлетворительныя.—2) По § 81 лит. а. п. 5 устава духовныхъ академій „переводъ студентовъ изъ курса въ курсъ“ значитъ въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи; къ такому же разряду дѣлъ, по опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года за № 1058, отнесено и „увольненіе студентовъ изъ Академіи по прошеніямъ“.

Опредѣлили: Студентовъ: II курса—Ивана Преображенскаго и I курса—Александра Снѣгирева перевести въ слѣдующіе курсы и затѣмъ, согласно ихъ прошеніямъ, уволить изъ числа студентовъ Академіи, съ выдачею установленныхъ свидѣтельствъ.

6 іюня 1906 года

№ 18.

Присутствовали, подъ предѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Іосифъ; временные преподаватели—заслуженные ординарные профессора П. И. Цвѣтковъ и Н. Ѳ. Каптеревъ; заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—С. С. Глаголевъ и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. А. Спасскій и И. Д. Андреевъ; исправляющіе должность доцента—С. И. Смирновъ, Д. Г. Коваловъ, Н. Л. Туницкій и А. П. Орловъ и вольнонаемный лекторъ—В. П. Лучининъ.

Слушали: Прошеніе экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ психологіи *П. П. Соколова*:

„Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи исходатайствовать мнѣ предъ Святѣйшимъ Синодомъ загранич-

ную командировку на 1906/1907 учебный годъ для научныхъ занятій въ Германіи и Франціи. Эта командировка необходима мнѣ въ интересахъ моей кафедры и для моихъ личныхъ научныхъ работъ. Въ Германіи я имѣю въ виду ознакомиться съ новѣйшими результатами и методами нѣмецкой экспериментальной психологіи, чтобы примѣнить ихъ, насколько это окажется полезнымъ и возможнымъ, къ академическому преподаванію моей науки. Во Франціи мнѣ нужно, съ одной стороны, заняться въ клиникахъ знаменитыхъ Парижскихъ невропатологовъ по вопросамъ, связаннымъ съ моими прежними изслѣдованіями такъ называемаго „цвѣтнаго слуха“, съ другой изучить постановку преподаванія психологіи въ Сорбоннѣ, Collège de France и Institut Catholique.

Въ виду дороговизны заграничныхъ поѣздокъ и недостатка собственныхъ средствъ я нахожусь въ необходимости испрашивать у Святѣйшаго Синода небольшой денежной субсидіи въ добавленіе къ получаемому мною жалованью“.

Опредѣлили: Признавая просьбу экстраординарнаго профессора П. П. Соколова заслуживающе уваженія и находя, что отъ заграничной командировки его для учебнаго дѣла въ Академіи не представляется никакихъ неудобствъ,—просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ увольненіи экстраординарнаго профессора Соколова на будущій 1906—1907 учебный годъ съ научною цѣлью за границу и объ отпускѣ ему, сверхъ получаемого по службѣ содержанія, пособія на путевыя издержки и содержаніе за границу въ размѣрѣ, какой благоугодно будетъ опредѣлить Святѣйшему Синоду.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1906 г. Іюня 24. Согласенъ ходатайствовать“.

6 іюня 1906 года.

№ 19.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Іосифъ; временные преподаватели—заслуженные ординарные профессора П. И. Цвѣтковъ и Н. Ѳ. Каптеревъ; заслуженные ординарные профессора А. Д. Бѣляевъ и М. Д. Муретовъ, ординарные профессора—С. С. Гла-

голевъ и М. М. Тарѣвъ; экстраординарные профессора—А. П. Голубцовъ, А. А. Спасскій и И. Д. Андреевъ; исправляющіе должность доцента—С. И. Смирновъ, Д. Г. Коноваловъ, Н. Л. Туницкій и А. П. Орловъ и вольнонаемный лекторъ В. П. Лучининъ.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1906 г. Апр. 22. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 19 апрѣля за № 4453:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 13 минувшего Марта № 487, журналъ Учебнаго Комитета за № 125, съ заключеніемъ Комитета, по представленному Вашимъ Преосвященствомъ ходатайству Совѣта Московской духовной академіи о разрѣшеніи принять студента II курса Казанской академіи *Петра Хадзарагова* въ число студентовъ того же курса Московской академіи, съ освобожденіемъ его отъ обязательнаго изученія греческаго языка. Приказали: Въ виду неблагопріятныхъ для здоровья Петра Хадзарагова климатическихъ условій въ г. Казани и одобрительнаго о немъ отъзвѣна Начальства Казанской духовной академіи, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: разрѣшить Совѣту Московской духовной академіи принять Петра Хадзарагова въ число студентовъ II курса сей академіи, съ освобожденіемъ его отъ обязанности изученія въ теченіи академическаго курса греческаго языка, такъ какъ, по § 101 Устава дух. академіи, для академическихъ студентовъ обязательно изученіе только одного изъ древнихъ языковъ, Хадзараговъ же сдалъ экзамень по латинскому языку при Казанской духовной семинаріи въ объемъ семинарскаго курса и при переходѣ съ I-го на II-й курсъ Казанской академіи; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ исполненію.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1906 г. Мая 15. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 8 мая за № 5016:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣй-

шіи Правительствующіи Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 14 марта сего года, № 99, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи объ утвержденіи бывшаго заслуженнаго ординарнаго профессора сей академіи Петра *Цвѣткова* въ званіи почетнаго члена академіи. Приказали: Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Петра Цвѣткова, избраннаго Совѣтомъ Московской духовной академіи въ званіе почетнаго члена названной академіи, утвердить въ означенномъ званіи; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: Изготовить для заслуженнаго ординарнаго профессора П. И. Цвѣткова дипломъ на званіе почетнаго члена Московской Духовной Академіи и просить его о принятіи сего званія.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1906 г. Мая 14. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 12 мая за № 5120:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 29 минувшаго апрѣля за № 174, по дѣлу *объ окончаніи учебныхъ занятій въ Московской духовной академіи въ текущемъ учебномъ году ранѣе установленнаго времени*. Обстоятельства сего дѣла слѣдующія: Ваше Преосвященство донесеніемъ, отъ 14 минувшаго апрѣля за № 190, представили на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода постановленіе Совѣта Московской духовной академіи, состоявшееся въ экстренномъ засѣданіи 30 марта сего года, въ великій четвергъ, о производствѣ выпускныхъ и переводныхъ испытаній въ академіи съ 12 минувшаго апрѣля, съ окончаніемъ оныхъ не позже 5 мая. Имѣя въ виду, что по § 117 Уст. дух. академіи академическій годъ продолжается до 15 іюня и принимая во вниманіе, что лекціи въ Московской духовной академіи въ текущемъ учебномъ году начались только съ конца января и что основаній къ окончанію занятій въ академіи ранѣе установленнаго срока въ постановленіи Совѣта академіи не указано, Святѣйшій Синодъ, по опредѣленію отъ 15 Апрѣля сего года за № 2020, постановилъ предписать Совѣту Московской духовной академіи закончить учебный годъ, на точномъ основаніи академическаго Устава,

не ранѣе 15 іюня; если же по особому основанію представлялась бы надобность отступить отъ требованій Устава, то необходимо ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ о разрѣшеніи на то, съ представленіемъ соображеній, къ сему побуждающихъ. Нынѣ Ваше Преосвященство, въ донесеніи отъ 29 минувшаго апрѣля № 174, представляете постановленіе академическаго Совѣта, состоявшееся по поводу означеннаго Синодальнаго опредѣленія, въ коемъ изъяснено, что Совѣтъ не усматриваетъ рѣшительно никакой возможности отступить въ чемъ-либо отъ своего постановленія, состоявшагося 30 Марта по слѣдующимъ основаніямъ: а) лекціи въ академіи, начавшіяся въ сентябрѣ, были прерваны съ 5 октября до 13 января 1906 г.; б) назначеніемъ экзаменовъ съ 12 апрѣля Совѣтомъ не сдѣлано большого отступленія отъ установившейся въ Московской академіи нормы; в) съ окончаніемъ устныхъ испытаній не позднѣе 5 мая академическій годъ не заканчивается, на вторую половину мая падаетъ чтеніе сочиненій, присужденіе академическихъ степеней и званій и переводъ студентовъ на слѣдующіе курсы, такъ что собственно учебный годъ заканчивается въ первыхъ числахъ іюня; г) ускореніе производства испытаній и отпущеніе студентовъ вызывались незаконнымъ вмѣшательствомъ полиціи во внутреннюю жизнь академіи, послѣдствіемъ чего могли быть волненія; д) постановленіе Совѣта не было мотивировано въ свое время въ виду того, между прочимъ, что опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 г. за № 1058 „назначеніе времени и порядка производства испытаній въ академіи“ отнесено въ разрядъ дѣль, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ академіи, и е) за неполученіемъ свѣдѣній о томъ, что постановленіе 30 марта опротестовано, Совѣтомъ академіи къ 26 апрѣля закончены испытанія студентовъ. Приказали: Разсмотрѣвъ настоящее представленіе Вашего Преосвященства, Святѣйшій Синодъ находить, 1) что перерывъ въ учебныхъ занятіяхъ въ академіи съ 5 октября до 13-го января 1906 г. не могъ не отразиться на прохожденіи учебнаго академическаго курса; 2) что ссылка на предшествующую практику относительно начала и окончанія испытаній въ академіи не можетъ служить основаніемъ къ продолженію таковой практики, если

она противорѣчитъ закону; 3) что предположеніе о возможности студенческихъ волненій вслѣдствіе вмѣшательства полиціи во внутреннюю жизнь академіи, послѣдовавшаго 23 марта, также не могло служить основаніемъ къ ускоренному окончанію учебнаго года, такъ какъ эти вслненія могли произойти и въ теченіе апрѣля; 4) предоставленное Совѣту академіи право „назначенія времени и порядка производства испытаній въ академіи“ неправильно истолковано Совѣтомъ академіи, такъ какъ этимъ не отмѣняется прямое требованіе § 117 академическаго Устава, по которому учебный академическій годъ продолжается до 15 іюня, и такъ какъ временными правилами Совѣту предоставляется самостоятельное разрѣшеніе вообще учебно-воспитательныхъ вопросовъ лишь въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ. Въ виду сего и принимая во вниманіе, что Высочайшимъ повелѣніемъ 9 мая 1881 г. окончательное рѣшеніе дѣлъ объ изъятіяхъ изъ дѣйствующихъ нынѣ уставовъ и штатовъ духовно-учебныхъ заведеній въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, по особо уважительнымъ обстоятельствамъ, предоставлено Святѣйшему Синоду и посему Совѣтъ академіи, въ случаѣ вызываемой обстоятельствами необходимости закончить учебный годъ до 15 іюня, долженъ былъ ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ, чрезъ Ваше Преосвященство, о дозволеніи этого изъятія, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: поставить на видъ Совѣту Московской духовной академіи самовольное безъ достаточныхъ основаній отступленіе отъ требованій академическаго устава относительно окончанія академическаго учебнаго года; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собраній Совѣта Академіи:

а) 21 марта, № 12: „1906 г. Апр. 16. Принято къ свѣдѣнію“.

б) 22 апрѣля, № 16: „1906 г. Апр. 27. Доложить. (и доложено) о семъ Св. Синоду“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Отзвы о сочиненіи исправляющаго должность доцента Московской Духовной Академіи по кафедрѣ исторіи русской

церкви, кандидата богословія, С. И. Смирнова подъ заглавіемъ: „Духовный отецъ въ древней восточной церкви. (Исторія духовничества на Востокъ). Часть I (Періодъ вселенскихъ соборовъ)“. Сергіевъ Посадъ, 1906 г., представленномъ въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи на соисканіе степени магистра богословія:

а) Заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ церковнаго права Н. А. Заозерскаго:

„Названный трудъ профессора С. И. Смирнова имѣетъ своимъ предметомъ прежде всего весьма важное и глубоко симпатичное явленіе въ исторіи православнаго восточнаго монашества, извѣстное подъ именемъ старчества. Монастырское старчество—это специальная особенность восточнаго монашества и въ частности русскаго. Представляя глубокой интересъ само по себѣ, это явленіе въ книгѣ почтеннаго автора еще болѣе возрастаетъ отъ той внутренней связи, въ какой оно оказывается съ другимъ явленіемъ высокой важности—образованіемъ института частной или тайной исповѣди. Научное установленіе связи этихъ двухъ историческихъ явленій, указаніе существенныхъ элементовъ перваго, вліявшихъ на постепенное образованіе втораго сначала въ стѣнахъ монастырей—въ исключительно монашеской средѣ, а затѣмъ среди міра внѣмонашескаго и составляетъ задачу усерднаго и талантливаго историка, какимъ выступаетъ въ своей книгѣ почтенный авторъ.

Соотвѣтственно этой задачѣ и сочиненіе располагается въ такомъ порядкѣ.

Глава I-я рассматриваетъ *старчество въ древнихъ восточныхъ монастыряхъ*. Въ частности авторъ тщательно устанавливаетъ значеніе терминовъ: „духовный отецъ“, „старецъ“ и параллельные; передаетъ исторію возникновенія старчества, сообщаетъ внѣшнюю и внутреннюю его организацію (1—75).

Глава 2-я изображаетъ *исповѣдь и покаяніе въ древнихъ монастыряхъ Востока*. Въ частности она распадается на три отдѣленія: а) сакраментальная исповѣдь; б) старческая исповѣдь и в) органъ тайной монашеской исповѣди — старецъ (76—176).

Глава 3-я подъ рубрикою: *исповѣдь мірянъ предъ старцами и покаянная дисциплина въ церкви до IX вѣка*,—представляетъ какъ бы особый трактатъ предваряемый вводною частью о

служеніи міру древняго монашества, приче́мъ къ видамъ этого служенія авторъ относитъ и исповѣды мірянъ монастырскими старцами. Затѣмъ авторъ вдае́тся въ подробное историко-критическое изслѣдованіе весьма сложнаго и запутаннаго вопроса о покаянной дисциплинѣ въ церкви періода вселенскихъ соборовъ вообще и въ частности объ органѣ исповѣди и покаянія. Послѣдній отдѣлъ главы и всей I-й части посвященъ спеціальному обзорѣнью церковной покаянной дисциплины въ иконоборческія времена, когда монашество, особенно студійскаго монастыря, выступило съ весьма значущимъ вліяніемъ какъ въ дѣлѣ защиты православія, такъ и въ особенности въ дѣлѣ устроенія покаянной частной дисциплины подъ сильнымъ вліяніемъ монашеской (177—328).

Книга снабжена двумя приложеніями:

- а) Свидѣтельства о тайнѣ исповѣди (изъ сборника Святослава) съ соотвѣтствующимъ греческимъ оригиналомъ и
- б) Свидѣтельствъ объ исповѣди Анастасія Сиваита и Петра Хартофилакса.

Таковъ планъ книги г. Смирнова.

Во всѣхъ своихъ отдѣлахъ рассматриваемая книга выступаетъ съ слѣдующими симпатичными чертами:

а) Она вскрываетъ и систематически группируетъ матеріалы первоисточниковъ преимущественно аскетической литературы, тщательно провѣряя переводы съ подлинниками: отсюда произошло то, что ея очерки древняго восточнаго монашества носятъ всюду интересъ свѣжести и новизны. Немногихъ своихъ предшественниковъ (автора Добротолубія, прот. А. И. Соловьева, проф. П. С. Казанскаго, даже получившаго громкую извѣстность Голля) авторъ оставляетъ далеко за собою въ этомъ отношеніи. Да, онъ спеціалистъ по исторіи старчества Восточной церкви и можно быть увѣреннымъ, что его книга займетъ почетное мѣсто не только въ ученой средѣ, но и въ средѣ современнаго монашества, сознательно относящагося къ своему призванію.

б) По вопросу о примѣненіи, формѣ и совершителяхъ тайной исповѣди и покаянной духовнической дисциплины въ періодъ вселенскихъ соборовъ авторъ вноситъ капитальный вкладъ въ нашу каноническую литературу. Здѣсь онъ выступаетъ съ одной стороны строго научнымъ критикомъ тѣхъ

скудныхъ данныхъ по исторіи тайной исповѣди, которыя были собраны профессорами Н. С. Суворовымъ, А. С. Павловымъ, А. И. Алмазовымъ и другими, съ другой выдвигаетъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ, дотолѣ неизвѣстныхъ, о примѣненіи тайной исповѣди въ монастыряхъ. Онъ, далѣе, первый проводитъ строгое и точное различіе между тайною исповѣдью сакраментальною и старческою, и съ научною основательностью выясняетъ терминъ *ἐνδρες πνευματικοί*: по прочтеніи книги автора не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что этимъ терминомъ обозначались монахи-духовники, прославившіеся даромъ духовнаго врачеванія, хотя бы и не имѣвшіе пресвитерской священной степени.

в) Своимъ всестороннимъ и глубокимъ изученіемъ монастырской покаянной дисциплины періода вселенскихъ соборовъ авторъ не только прочно обосновалъ фактъ, что въ средѣ монашества за это время выработалось теоретическое воззрѣніе, что тайная исповѣдь и духовническое врачеваніе есть особый благодатный даръ („разсужденія духовомъ“ 1 Коринѣ. XII, 10), не необходимо связанный съ іерархическою степенью епископа и пресвитера, но приобретаемый постриженіемъ въ схиму, но и доказалъ, что въ дѣйствительности и простые монахи, монастырскіе старцы или духовные отцы были признаны оффиціально православнымъ патріархомъ, какъ носители апостольской власти ключей наравнѣ съ епископами и пресвитерами. „Это, говоритъ авторъ, произошло въ первой четверти IX вѣка въ Константинопольскомъ патріархатѣ. Мѣра была временной, вызывалась нуждой и должна была подлежать отмѣнѣ по минованіи послѣдней. Но въ монашеской средѣ вслѣдствіе давнишняго антагонизма съ іерархіей истолковали ее въ смыслѣ уступки іерархическаго права монашескому классу. Мѣра эта принята была въ интересахъ преслѣдуемаго православія и только до православнаго собора. Но, насколько извѣстно, ближайшій православный соборъ не воспретилъ этого антиканоническаго обычая. И монашество развило свою покаянную практику среди мірянъ очень широко, такъ что скоро фактически вытѣснило исповѣдь бѣлыхъ пресвитеровъ и епископовъ, которую совершали они въ духѣ канонѣвъ. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что въ восточной церкви того времени совершителями покаянія были одни простые, непосвящен-

ные монахи, которые вмѣсто церковнаго покаянія практиковали только старческое, что въ церкви на время фактически прекратилось совершеніе таинства покаянія. Мы утверждаемъ только, что настало такое время, когда совершителями покаянія въ церкви стали монахи, *духовные отцы въ общемъ смыслѣ слова*,—т. е. епископы изъ монаховъ, іеромонахи и монахи, не имѣющіе священнаго сана. И тѣ, и другіе, и третьи создали новую покаянную дисциплину, болѣе близкую къ древней монастырской, чѣмъ къ дисциплинѣ церковныхъ канонѣвъ“ (стр. 328).

Мы дословно привели эту тираду, имѣющую значеніе общаго вывода изъ всѣхъ изслѣдованій автора о старчевствѣ и монашеской покаянной дисциплинѣ о дѣйствованіи sacramentalной канонической исповѣди, — съ тою цѣлю, чтобы выставить и еще присущее автору качество — его крайнюю осторожность и умѣренность въ выводахъ и обобщеніяхъ. Онъ совершенно чистъ отъ упрека въ поспѣшности, въ неосновательности—въ этомъ отношеніи. Напротивъ, всюду въ своей книгѣ онъ выступаетъ изслѣдователемъ обстоятельнымъ, строго критическимъ и чуждымъ увлеченія и поспѣшности, и если книга его даритъ читателя новымъ освѣщеніемъ избраннаго предмета изслѣдованія, то на автора положиться можно безъ всякаго риска въ легковѣрїи.

По ученой основательности и важности предмета изслѣдованія признаю названную книгу С. И. Смирнова вполне заслуживающею искомой ученой степени“.

б) Экстраординарнаго профессора по кафедрѣ новой гражданской исторїи *И. Д. Андреева*:

„Изслѣдованіе С. И. Смирнова состоитъ изъ трехъ большихъ главъ и двухъ приложений. Все оно въ послѣднемъ счетѣ подготавливаетъ выводъ, какъ византійское монашество оттѣсняло на задній планъ бѣлое духовенство въ вопросѣ первостепенной важности, забирало въ свои руки главное орудіе вліянія пастыря на паству—покаянную дисциплину. Побѣда чернаго духовенства была столь велика, что правомочіе совершать исповѣдь среди мірянъ стало принадлежать простымъ монахамъ въ то время, когда его не имѣли бѣлые священники. Окончательное торжество этого порядка — или точнѣе безпорядка—выходитъ за тѣ хронологическія грани, которыя отмежованы авторомъ для настоящей части его

работы, но по прочтеніи книги чувствуется близость этого торжества.

Авторъ идетъ къ установленію основнаго интересующаго его тезиса слѣдующимъ путемъ. Прежде всего онъ изучаетъ зарожденіе порядковъ и обычаевъ, при помощи которыхъ монашество стало съ X в. властвовать надъ міромъ, въ возникновеніи и организациі старчества—внѣшней и внутренней—въ древнихъ восточныхъ монастыряхъ. Это изученіе даетъ матеріаль для первой главы изслѣдованія. Авторъ тщательно слѣдитъ за тѣмъ, какъ институтъ старчества разрабатывается въ пониманіи представителей монашества разныхъ вѣковъ эпохи вселенскихъ соборовъ. Писатели устанавливаютъ чрезвычайно высокую точку зрѣнія на монашество. Подвижникъ въ идеалѣ есть существо богоносное, духовное, богъ. Какъ такой, онъ получаетъ духовныя дарованія, изліаніемъ которыхъ отличались первыя времена христіанства. Дары пророчества, изгнанія бѣсовъ, исцѣленія болѣзней и воскрешенія мертвыхъ не являются исключительными; они обнаруживаютъ только нормальную степень духовнаго возраста инока. При такихъ воззрѣніяхъ неудивительно, если отъ иноковъ-учениковъ требовалось всепоглощающее безраздѣльное послушаніе старцамъ-учителямъ. Старецъ для ученика сталъ заслонять даже Бога. „Старцы говорили: если кто имѣетъ вѣру къ другому и самъ себя отдаетъ въ подчиненіе ему, тотъ не имѣетъ нужды внимать заповѣдямъ Божиимъ, а долженъ предать волю свою отцу своему, и не останется виновнымъ предъ Богомъ“. Такая дисциплина должна была вытравлять личность, хоронить волю, превращать человѣка въ „блаженнаго живого мертвеца“, отучать его отъ сознанія отвѣтственности за свои дѣйствія. Эти воззрѣнія на старчество такъ впитались въ жизнь, облеклись въ такія прочныя внѣшнія бытовыя формы, что ихъ не могли скомпрометировать крупныя изъяны при примѣненіи ихъ въ жизни. „Власть, говоритъ авторъ, возвращаетъ человѣка, развиваетъ въ немъ гордость, самомнѣніе, тщеславіе, спесь, неуваженіе къ подчиненной человѣческой личности. Завлекательная сама по себѣ она становится предметомъ домогательства людей недостойныхъ“. Отсюда въ число старцевъ попадали люди съ сѣдыми волосами, но безъ нужной разсудительности. Нерѣдко и учителя и ученики просто лице-

дѣйствовали предъ мірянами, чтобы ввести ихъ въ заблужденіе и поживиться на счетъ легковѣрныхъ. Но всѣ подобныя недочеты проходили безслѣдно для старчества, какъ института. Крѣпкая организація страховала институтъ отъ вырожденія. Ученикъ, разъ онъ выбиралъ старца, становился его рабомъ; онъ могъ оставить его только подъ угрозою совращенія въ ересь и только въ рѣдкихъ случаяхъ могъ обращаться за руководствомъ къ другому старцу, если свой недомыслилъ по какому-либо вопросу. Вознагражденіемъ со стороны старца за такое послушаніе являлось принятіе имъ на себя грѣховъ послушника. Отсюда необходимость исповѣди помысловъ и дѣлъ. Объ исповѣди и покаяніи въ древнихъ восточныхъ монастыряхъ авторъ ведетъ подробную рѣчь во второй обширной главѣ (76—176).

Раскрытіе помысловъ предъ старцами имѣло значеніе нравственно-дисциплинарное, а не сакраментальное. Но такъ какъ результатъ и въ томъ и другомъ случаѣ одинъ и тотъ же—очищеніе совѣсти, то и средства, ведущія къ этому результату, естественно должны были сближаться и отождествляться. Наступленію этого сближенія содѣйствовало много условій. Прежде всего тогда не существовало взгляда на сакраментальную исповѣдь, по которому она есть единственное средство для прощенія грѣховъ. Молитвы, плачь о грѣхахъ, смиреніе и проч. могли заступитъ ея мѣсто. Затѣмъ, въ древней церкви начальнымъ моментомъ покаянія была исповѣдь публичная. Она существовала сначала и въ нѣкоторыхъ монастыряхъ. Но мало-по-малу она стала вытѣсняться исповѣдью тайной. Значительно помогло этому вытѣсненію общечеловѣческое стремленіе по возможности скрывать грѣхи свои отъ другихъ. Имѣли здѣсь несомнѣнное значеніе соображенія о соблазнѣ, какой вызывала исповѣдь публичная для неукрѣпившихся братій. Кромѣ того публичная форма покаянія ставила на первый планъ судъ и наказаніе за грѣхъ. Между тѣмъ монашество въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей склонно было видѣть въ согрѣшившемъ не преступника, котораго слѣдовало карать, а больного, который нуждается въ леченіи.

Василій Великій доканчиваетъ развитіе тайной монашеской исповѣди своими правилами въ томъ смыслѣ, что дѣлаетъ ее обязательной. Широко практикуемая монашеская

тайная исповѣдь была только однимъ изъ моментовъ аскетическаго дѣланія, благочестивымъ упражненіемъ. Но монашество періода вселенскихъ соборовъ стало приписывать ей гораздо большее значеніе: по его воззрѣніямъ она не только врачевала совѣсть, но и доставляла дѣйствительное прощеніе грѣховъ. Эти грѣхи бралъ на себя старецъ-посредникъ,— онъ замаливалъ ихъ; а исповѣдникъ въ свою очередь изглаждалъ ихъ раскаяніемъ. Отсюда и эпитиміи, налагавшіяся простыми старцами, получили большее значеніе, чѣмъ простое дисциплинарное наказаніе,— признавались неразрѣшимыми никакою другою властію, даже патріаршею.

Исповѣдь, серьезно понимаемая, трудное дѣло. Отсюда обычно въ киновіяхъ ее принималъ игумень, или старецъ, имъ уполномоченный. Такой старецъ долженъ былъ обладать опредѣленными специальными дарами Духа,—различенія духовъ, прозорливости и дара вязать и рѣшить. Возможность допускать, что старецъ можетъ изглаждать чужіе грѣхи, неизбежно заставляла надѣлять образъ старца идеальными чертами и поднимать его въ сознаніи монашества и общества все выше и выше. Въ концѣ этого идеализированія становится возможнымъ утвержденіе, что „лучше согрѣшить противъ Бога, чѣмъ противъ отца нашего“.

Такъ мало-по-малу монашеская исповѣдь и покаяніе, признававшіяся сначала аскетическимъ упражненіемъ, выросли въ институтъ, замѣнившій для монастыря сакраментальную исповѣдь и покаяніе. Процессъ не остановился на этомъ. Съ выработаннымъ институтомъ старческой исповѣди монашество обращается къ міру и овладѣваетъ имъ, отгѣсняя на задній планъ бѣлое духовенство. Исповѣдь мірянъ получаетъ черты исповѣди монашеской. Эту стадію процесса авторъ изучаетъ въ третьей и послѣдней большой главѣ.—Монашество даже отшельническое никогда не могло порвать своихъ связей съ міромъ. Тѣмъ болѣе это надо сказать о монашествѣ практическомъ—общежительномъ. Монашество служило міру въ формѣ страннопріимства, милостыни, ухода за больными и пр. Монастырская благотворительность была тѣмъ путемъ, которымъ проникала въ мірскую среду монастырская дисциплина. Вмѣстѣ съ матеріальною міряне получали въ монастырѣ и помощь духовную. Они несли сюда свои грѣхи и получали ихъ отпущеніе. Раскрытіе души предъ

монастырскими старцами съ отвлеченной точки зрѣнія имѣло значеніе, конечно, только нравственное, ну тутъ скоро случилось то же, что произошло съ исповѣдью монаховъ: ему стали приписывать силу акта сакраментальнаго. Старцы становятся духовными отцами не только монаховъ, но и мірянъ. Харизматизмъ дѣлаетъ ихъ популярнѣе духовенства; монашество стало пониматься званіемъ, имѣющимъ монополию чудотвореній. Да и исповѣдь монашеская обладала нѣкоторыми привлекательными чертами: она была тайною, а въ числѣ ея совершителей были люди огромнаго духовнаго опыта. Наконецъ, въ пользу ея распространенія работали всѣ недостатки покаянной дисциплины церкви періода вселенскихъ соборовъ. Авторъ даетъ подробную исторію этой дисциплины и отмѣчаетъ прежде всего отсутствіе однообразія въ ней. Это обстоятельство содѣйствовало развитію взгляда, что она не есть нѣчто общеобязательное. Рядомъ съ нею совершенно легально могла развиваться монастырская дисциплина тайной исповѣди.—Тайная исповѣдь церкви не имѣла особаго спеціального органа и въ этомъ отношеніи особенно много уступала покаянной дисциплинѣ монастырской, которая непосредственно выростала изъ старческаго пастырства.—Самое различіе принциповъ, положенныхъ въ основу исповѣди церковной и монастырской, было не въ пользу первой. Монашество создало пониженную точку зрѣнія на силы человѣческой природы и вслѣдствіе этого работало и дисциплину болѣе легкую—тайную исповѣдь и наказаніе болѣе краткосрочное.—Наконецъ, разстройству церковной дисциплины содѣйствовали низкіе нравы духовенства. Паденію авторитета послѣдняго и напротивъ поднятію значенія монашества особенно много содѣйствовало иконоборческое движеніе. Высшая іерархія и бѣлое духовенство въ массѣ въ этотъ періодъ сильно скомпрометировали себя пассивнымъ отношеніемъ къ борьбѣ за иконы. На защиту православія выступило монашество. Это обстоятельство помогло ему сдѣлать важный шагъ впередъ въ развитіи его духовной власти надъ міромъ. Простые монахи, монастырскіе старцы или духовные отцы были признаны официально православнымъ патріархомъ, какъ носители апостольской власти ключей наравнѣ съ епископами и пресвитерами. Мѣра была временной, вызывалась нуждой и должна была

подлежать отмѣнѣ по минованіи послѣдней. Но въ монашеской средѣ вслѣдствіе давнишняго антагонизма съ іерархіей ее истолковали въ смыслѣ уступки іерархическаго права монашескому классу.

На этомъ кончается изслѣдованіе С. И. Смирнова. Въ приложеніи помѣщены: 1) свидѣтельство о тайной исповѣди неизвѣстнаго автора не позднѣе X в. въ греческомъ оригиналѣ и славянскомъ переводѣ и 2) критическій экскурсъ по поводу свидѣтельства объ исповѣди Анастасія Синаита и Петра Хартофилакса.

Представленное мною изложеніе не вычерпываетъ всего богатаго содержанія книги, а отмѣчаетъ только наиболѣе выпуклые моменты изучаемаго авторомъ процесса.

Изслѣдованіе С. И. Смирнова представляетъ высокій интересъ для всѣхъ, занимающихся изученіемъ гражданской и церковной исторіи Византіи. Монашество играло и съ играло чрезвычайно видную и отчасти роковую роль въ судьбахъ восточной имперіи. Византія была затоплена монастырями, и предъ каждымъ пытливымъ работникомъ встаетъ жгучій вопросъ, что давали эти монастыри міру—добро или зло, несли въ него жизнь или вливали смерть, повышали народный характеръ или содѣйствовали его вырожденію, воспитывали въ націи самоотверженіе и твердость или обезличивали и разслабляли ее. Книга С. И. Смирнова даетъ чрезвычайно богатый и хорошо обработанный матеріаль для размышленій на эти темы. Она подчеркиваетъ, оцѣниваетъ и выясняетъ такія стороны вліянія византійскаго монашества на міръ, которыя до сихъ поръ не были достаточно измѣрены работниками по гражданской исторіи Византіи.—Что касается церковной исторіи, то ей книга С. И. Смирнова расскажетъ еще болѣе. Тутъ шагу ступить нельзя, особенно съ V в., безъ обращенія за справками къ исторіи монашества и его вліянія на общество. Въ нѣкоторые періоды, напр. во время иконоборчества, монашество заполняетъ всю историческую сцену и выступаетъ въ заглавной роли. Говоря это, я собственно дѣлаю то, что долженъ былъ бы сдѣлать авторъ во введеніи, котораго у него къ сожалѣнію нѣтъ.

Высокій интересъ книги С. И. Смирнова обусловливается значительностью взятой имъ темы. Но значительность темы требуетъ широкаго пользованія источниками и пособиями.

Добывать данныя для его выводовъ С. И. приходилось съ большимъ трудомъ, потому что они разбросаны въ литературѣ всего періода вселенскихъ соборовъ. Нерѣдко случалось ради одной цитаты читать цѣлый памятникъ. А сколько такихъ памятниковъ, которые прочитаны и не процитованы за ненахожденіемъ въ нихъ искомага, это извѣстно одному автору. Настойчивые поиски его въ нѣкоторыхъ пунктахъ дали превосходные результаты. Затѣмъ авторъ долженъ былъ идти по пути, загроможденному спорами и непримиримыми разногласіями между изслѣдователями. Его тему кругомъ облегаютъ вопросы, на которые существуютъ только колеблющіеся отвѣты. Работа при такихъ условіяхъ требовала большихъ усилій, о которыхъ не всякій читатель можетъ догадываться,—и большого писательскаго такта.

Солидное изученіе источниковъ позволяетъ автору чувствовать себя спокойнымъ и не горячиться въ отвѣтственныхъ пунктахъ работы, какъ это бываетъ при недостаткѣ нужной опоры въ цитатахъ. Въ его книгѣ много широкихъ выводовъ, и всѣ они осторожно выжаты изъ потребнаго количества свидѣтельствъ. Его синтезъ даетъ только то, на что уполномочиваетъ его анализъ. Автора естественно могло искушать желаніе, какъ оно искушало другихъ на томъ же пути, прорваться къ главной цѣли своей путемъ болѣе легкимъ, напр., игнорированіемъ свидѣтельствъ, которыя тормозятъ и замедляютъ его заключеніе, но онъ не поддается этимъ искушеніямъ и предпочитаетъ путь медленный, но надежный. Широкое знаніе источниковъ дѣлаетъ аргументацію автора сильной и убѣдительною. Читатель остается во власти ея на протяженіи всей книги.

Настоящаго профессора отъ другихъ литературныхъ работниковъ отличаетъ способность докапываться до корней въ изучаемомъ вопросѣ, опускаться на самое дно проблемы. Это качество въ высокой степени свидѣтельствуется всей книгой С. И. Смирнова. Извѣстно, что онъ началъ съ русскаго духовника, долго работалъ надъ нимъ и въ концѣ концовъ своей незаурядной пытливостью былъ сдвинуть въ византологію, ибо только тутъ онъ могъ найти объясненіе многихъ загадочныхъ чертъ института духовничества. И въ книгѣ вездѣ разсыпаны доказательства того, что авторъ углублялъ изученіе и объясненіе отдѣльныхъ вопросовъ темы до воз-

можного предѣла, не вступая однако на ту зыбку почву, гдѣ источники покидаютъ его.

Обращаясь къ вышней сторонѣ, слѣдуетъ отмѣтить прежде всего, что изложеніе и планъ сочиненія отличаются чрезвычайною прозрачностію. Всѣ главные результаты работы заключены въ такія удобныя и точныя формулы, что содержаніе обширнаго изслѣдованія послѣ одного прочтенія удерживается въ памяти съ чрезвычайною легкостію и раздѣльностію—знакъ, что авторъ выносилъ и выстрадалъ всѣ вопросы темы въ полной мѣрѣ.

Въ глазахъ университетскихъ византологовъ академическія диссертациі имѣютъ одну общую имъ черту: они бываютъ перегружены ученымъ балластомъ, который увеличиваетъ вѣсъ ихъ и придаетъ имъ наружную солидность, но который для науки оцѣнивается чистымъ нулемъ. Къ работѣ С. И. такого упрека обращено не будетъ. У него нельзя найти ни одной лишней страницы, ни одного лишняго примѣчанія; тутъ все идетъ только для дѣла и ничего не рассчитано на показъ. Авторъ бережетъ вниманіе читателя.

Изслѣдованіе С. И. Смирнова совершенно зрѣлая и талантливая работа во всѣхъ отношеніяхъ. Съ ея выходомъ ряды русскихъ византологовъ пополняются еще однимъ симпатичнымъ представителемъ. Я увѣренъ, что она найдетъ хорошій пріемъ и за границей. Европейскіе византологи, почти всѣ владѣющіе русскимъ языкомъ, безъ сомнѣнія прочтутъ новую книгу о монашествѣ съ большимъ интересомъ.

Повидимому мой отзывъ не нуждается въ припискѣ мсего заключенія“.

Справка: Требующіеся § 32-мъ положенія объ испытаніяхъ на ученые степени 50 экземпляровъ напечатанной диссертациі и. д. доцента С. И. Смирновымъ Преосвященному Ректору Академіи представлены.

Опредѣлили: 1) Допустить исправляющаго должность доцента Академіи по кафедрѣ исторіи русской церкви С. И. Смирнова къ защитѣ его диссертациі на степень магистра богословія.—2) Оффиціальными оппонентами при защитѣ диссертациі назначить (за болѣзнію заслуженнаго ординарнаго профессора Н. А. Заозерскаго) Преосвященнаго Ректора Академіи Епископа Евдокима и экстраординарнаго профессора П. Д. Андреева.—3) Предоставить Преосвященному Рек-

тору Академіи войти въ соглашеніе съ магистрантомъ относительно дня коллоквиума и пригласить къ участию въ немъ постороннихъ лицъ.

VI. а) Отзывы о сочиненіи преподавателя Воронежской духовной семинаріи Александра *Мишина* подъ заглавіемъ: „Догматическое ученіе Евсевія Кесарійскаго“, представленномъ (въ рукописи) въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи на соисканіе степени магистра богословія:

1) Экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ патристики *И. В. Попова*:

„Диссертация г. Мишина „Догматическое ученіе Евсевія Кесарійскаго“ отвѣчаетъ настоятельной научной потребности. Объ этомъ важномъ древнемъ писателѣ существуетъ огромная литература, но эта литература отличается двумя чертами, чрезвычайно затрудняющими пользование ею. Почти каждый изслѣдователь въ области общихъ вопросовъ церковной исторіи сталкивается такъ или иначе съ личностью Евсевія, перваго историка христіанской церкви и въ высшей степени плодовитаго писателя, и вынуждается къ тому, чтобы установить свое отношеніе къ нему. Отсюда возникла необозримая литература отдѣльныхъ трактатовъ, статей, замѣтокъ, попутныхъ справокъ и т. п. Вся эта литература, не обязанныя своимъ происхожденіемъ нарочитому и всестороннему изученію твореній Евсевія, а имѣющая вводный характеръ бѣглыхъ справокъ, естественно не отличается основательностью сужденій и вноситъ лишь путанницу въ представленіе о предметѣ. До сихъ поръ научные взгляды на Евсевія и его отношеніе къ догматическимъ спорамъ своего времени отличаются противорѣчіемъ и несогласованностью. Наука до сихъ поръ не располагаетъ серьезной монографіей о Евсевіи, составленной на основаніи нарочитаго изученія его твореній и приводящей къ единству различные взгляды, высказанные о немъ учеными изслѣдователями. Диссертация г. Мишина имѣетъ цѣлю удовлетвореніе этой настоятельной потребности.

Въ обстоятельномъ введеніи къ своему обширному труду г. Мишинъ дѣлаетъ обзоръ литературныхъ произведеній Евсевія какъ источника для выясненія его догматическаго ученія и подробно разсматриваетъ вопросъ объ ихъ хронологической послѣдовательности.

Главная часть труда г. Мишина посвящена выясненію догматическаго ученія Евсевія и обнимаетъ собою всѣ вопросы, входящіе въ качествѣ составныхъ элементовъ въ теоретическое богословіе. Онъ излагаетъ ученіе Евсевія о Св. Троицѣ, о мірѣ, о добрыхъ и злыхъ духахъ, о лицѣ Богочеловѣка, о спасеніи, о церкви, о таинствахъ, объ отношеніи свободы и благодати, о послѣднихъ судьбахъ міра, объ иконопочитаніи. Въ обширномъ изслѣдованіи автора (1026+688 стр.) всѣ эти вопросы обслѣдованы подробно, детально и основательно. Переходя къ характеристикѣ труда г. Мишина, мы должны отмѣтить слѣдующія положительныя стороны его.

Во первыхъ, заслуживаетъ полнаго одобренія добросовѣстное изученіе источника—многочисленныхъ твореній Евсевія, заполняющихъ нынѣ шесть томовъ по изданію Миня. Всѣ эти творенія прочитаны авторомъ неоднократно въ подлинникѣ, при чемъ имъ были приняты во вниманіе и комментаріи на тѣ или другія трудныя мѣста, данныя раннѣйшими изслѣдователями и издателями твореній Евсевія. Детальное изученіе текста дало автору возможность сопоставлять и сравнивать между собою разбросанныя на всемъ протяженіи шести томовъ изданія Миня мѣста аналогичныя по своему содержанію, что необходимо для выясненія оттѣнковъ мысли, скорѣе намѣченныхъ, чѣмъ выраженныхъ ясно. Съ своей задачей подробнаго и всесторонняго изученія текста твореній Евсевія г. Мишинъ могъ справиться только благодаря основательному знанію языка подлинника.

Не менѣе внимательно изучена авторомъ и литература предмета. При этомъ имъ приняты во вниманіе не только сочиненія прямо относящіяся къ его темѣ, но и изслѣдованія, освѣщающія вообще эпоху Евсевія или дающія обзорѣніе историческаго развитія догматовъ какъ въ ихъ совокупности, такъ и отдѣльныхъ догматическихъ положеній.

Къ этимъ достоинствамъ сочиненія, чисто формальнымъ, нужно присоединить достоинства по самому содержанію. Слѣдуетъ указать двѣ характеристическихкія черты труда г. Мишина. Во первыхъ, авторъ изучаетъ догматическія воззрѣнія Евсевія въ рамкахъ исторіи. По каждому пункту онъ намѣчаетъ движеніе идей въ эпоху, предшествующую Евсевію, затѣмъ старается уяснить, въ какомъ отношеніи къ раннѣйшему развитію стоятъ идеи Евсевія. Вмѣстѣ съ этимъ нерѣдко дѣ-

лаются сопоставленія и съ позднѣйшими видоизмѣненіями догматическихъ идей. Благодаря этому методу, требующему для своего удачнаго примѣненія большой начитанности въ патристической литературѣ и широкихъ познаній въ церковной исторіи, автору удается отмѣтить точно и опредѣленно положенія Евсевія въ исторіи догматовъ. Но эту историческую точку зрѣнія г. Мишинъ примѣняетъ не только для выясненія зависимости ученія Евсевія отъ предшественниковъ и его вліянія на послѣдующее богословіе, но и для изслѣдованія догматическаго ученія Евсевія въ отдѣльности. Какъ извѣстно, въ литературѣ о Евсевіи высказываются весьма противоположные взгляды на него: одни видятъ въ немъ болѣе или менѣе замаскированнаго аріанина, а другіе признаютъ его ученіе вполне православнымъ. Чтобы примирить эти противорѣчивые взгляды, имѣющіе за себя реальные факты, авторъ прибѣгаетъ къ предположенію, что воззрѣнія Евсевія подвергались измѣненію и развитію на протяженіи его жизни. Для выясненія этого вопроса г. Мишинъ разсматриваетъ ученіе Евсевія о Троицѣ отдѣльно въ три эпохи его жизни—до начала аріанскихъ споровъ, въ началѣ аріанскихъ смуть и на Никейскомъ соборѣ, послѣ Никейскаго собора. Это даетъ ему возможность установить естественный и правильный взглядъ на Евсевія, не расходящійся съ наблюденіями и замѣтками раннѣйшихъ изслѣдователей, но обнимающій ихъ собою.

Вторая отличительная черта даннаго авторомъ изложенія ученія Евсевія состоитъ въ томъ, что оно представляетъ собою не простой пересказъ, а именно изслѣдованіе и анализъ. Авторъ старается опредѣлить взаимную связь и соотношеніе идей изучаемаго автора, выдѣлить тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ опредѣляющее значеніе, и вокругъ нихъ расположить въ порядкѣ ихъ важности идеи второстепенныя и производныя. Далѣе, свое изложеніе авторъ основываетъ на изслѣдованіи терминологіи Евсевія, чтобы путемъ сопоставленія параллельныхъ мѣстъ установить подлинный смыслъ понятій, обычныхъ въ богословскомъ языкѣ кесарійскаго епископа. Для выясненія значенія терминовъ Евсевія авторъ нерѣдко прибѣгаетъ къ аналогіямъ, извлекаемымъ изъ сочиненій писателей, близкихъ Евсевію по духу.

Но наряду съ этими крупными достоинствами не можемъ

не указать и нѣкоторыхъ недостатковъ изслѣдованія г. Мишина. Главнѣйшимъ недостаткомъ надо признать растянутость, многословность и длинноты сочиненія. При изложеніи и выясненіи извѣстной мысли авторъ нерѣдко вдается въ излишнія подробности. Иногда онъ приводитъ буквально слишкомъ длинныя выдержки изъ твореній Евсевія, что не всегда вызывается потребностью. Впечатлѣніе длиннотъ и повтореній стоитъ отчасти въ связи съ самымъ методомъ изслѣдованія, когда авторъ излагаетъ по однимъ и тѣмъ же пунктамъ и рубрикамъ сначала ученіе Евсевія въ его доникейскихъ сочиненіяхъ, потомъ въ сочиненіяхъ уже написанныхъ послѣ никейскаго собора. Мы настоятельно совѣтовали бы автору обратить вниманіе на эту сторону своего труда и при печатаніи возможно болѣе сжать и сократить его въ изложеніи, оставляя неприкосновеннымъ его содержаніе.

Соглашаясь далѣе съ общими выводами автора, мы не можемъ признать правильными его отдѣльныхъ мыслей и положеній. Такъ, при обзорѣни развитія догматическихъ понятій, авторъ не всегда вѣрно передаетъ мысль церковныхъ писателей. Нѣкоторыя положенія Евсевія, темныя сами по себѣ, истолковываются слишкомъ по аналогіи съ другими писателями близкими ему по направленію, чѣмъ быть можетъ привносятся элементы, чуждые Евсевію. Анализъ терминовъ и понятій не вездѣ равномеренъ. Въ то время, какъ въ отдѣлѣ о св. Троицѣ авторъ съ величайшимъ вниманіемъ изслѣдуетъ каждый терминъ, въ концѣ сочиненія напр. въ главѣ о церкви онъ отдается этой работѣ уже не съ тѣмъ усердіемъ и вниманіемъ. Нельзя также не отмѣтить и того обстоятельства, что цитація автора не всегда вѣрна. Встрѣчаются невѣрныя ссылки на томы и страницы, что дѣлаетъ невозможными справки. Нерѣдки также случаи, когда приводимыя ссылки мало соотвѣтствуютъ цѣли автора и не содержатъ въ себѣ мысли, которую вычитываетъ изъ нихъ изслѣдователь. Я не привожу страницъ и не перечисляю отдѣльныхъ погрѣшностей, предпочитая сдѣлать г. Мишину частныя указанія и надѣясь, что эти указанія будутъ приняты имъ во вниманіе при печатаніи труда и соотвѣтствующимъ образомъ исправлены“.

2) Экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ общей церковной исторіи *А. А. Спасскаго*:

„Въ ряду церковныхъ писателей начала IV вѣка трудно указать другую личность, которая вызывала бы къ себѣ столь разнообразный историческій интересъ и подвергалась бы такой противоположной оцѣнкѣ, какъ Евсевій, епископъ Кесаріи Палестинской. Въ недостаточно извѣстномъ и мало изученномъ вопросѣ о богословскомъ настроеніи большинства восточныхъ епископовъ въ начальный періодъ арианскихъ споровъ Евсевій является единственнымъ писателемъ, который по своей литературной плодовитости и богатству оставшихся послѣ него литературныхъ памятниковъ можетъ пролить яркій свѣтъ въ эту темную область. Историческая роль его, правда, была не блестяща: онъ не былъ основателемъ какой-либо догматической партіи и, если принималъ участіе въ современныхъ событіяхъ, то его личность большею частію ступшеывалась на ряду съ другими выдающимися дѣятелями его эпохи. Но Евсевій обращаетъ на себя вниманіе историковъ не какъ практикъ, а какъ мыслитель-богословъ, дающій изслѣдователю начального періода арианскихъ споровъ хорошо подмѣтить тѣ теологическія идеи и тенденции, какими руководствовалась на первыхъ порахъ образованная группа восточныхъ епископовъ въ своемъ горячемъ протестѣ противъ догматическаго вѣроизложенія, изданнаго первымъ вселенскимъ соборомъ въ Никеѣ. Не смотря на это историческое значеніе, догматическая система Евсевія до сихъ поръ не была надлежащимъ образомъ изучена. Кромѣ небольшой брошюры Stein'a (*Eusebius, Bischof von Caesarea, Würzburg, 1859*) мы имѣемъ предъ собою лишь рядъ статей, помѣщенныхъ въ разныхъ энциклопедіяхъ, и краткихъ отдѣловъ, находящихся въ разныхъ курсахъ церковной исторіи, по самой своей цѣли ограничивающихся только общими свѣдѣніями. Задача изучить догматическое ученіе Евсевія въ его полнотѣ и подробностяхъ навязывалась автору уже самымъ положеніемъ этого вопроса въ наукѣ.

Г. Мишинъ отнесся къ своему дѣлу замѣчательно добросовѣстнымъ образомъ. Рѣшенію предлежавшаго ему вопроса онъ посвятилъ исключительно обширное сочиненіе, обнимающее собой въ трехъ большихъ тетрадяхъ цѣлыхъ 1936 стр. довольно убористаго почерка. Въ отзывѣ, представлен-

номъ для чтенія въ Совѣтъ Академіи, было бы очень трудно прослѣдить весь порядокъ мыслей автора, разсѣянныхъ на такомъ большомъ пространствѣ. Я ограничусь лишь указаніемъ главныхъ пунктовъ, обсуждаемыхъ авторомъ. Предваривъ сочиненіе характеристикой Евсевія, какъ писателя (1—XXIV), Мишинъ даетъ оцѣнку существующей о немъ ученой литературѣ и разсматриваетъ историческое преданіе о литературныхъ трудахъ его, отличая подлинныя отъ не подлинныхъ и сомнительныхъ и устанавливая ихъ хронологию (1—183). Центральному вопросу—изложенію ученія Евсевія о Св. Троицѣ и въ особенности о второмъ Лицѣ ея онъ посвящаетъ главный отдѣлъ своего изслѣдованія, обнимающій XV+1026 стр. Изучая воззрѣнія Евсевія на второе Лицо Св. Троицы, авторъ пользуется хронологическимъ порядкомъ, стараясь раскрыть предъ читателемъ постепенное измѣненіе ихъ къ лучшему подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ дѣятельность Евсевія. Не забыты г. Мишинымъ и всѣ другіе пункты ученія Евсевія: съ такою же подробностью и обстоятельностью онъ разсматриваетъ космологическую часть ея: ученіе о Богѣ, какъ Творцѣ и Промыслителѣ міра (1—123 стр. 3-й тетради), затѣмъ ученіе о мірѣ духовъ—ангелахъ и дѣмонахъ, о челоуѣкѣ, о Лицѣ Богочелоуѣка, о спасеніи, церкви и таинствахъ (124—674) и заканчиваетъ свое сочиненіе рѣшеніемъ вопроса объ отношеніи Евсевія къ догматикѣ послѣдующаго времени.;

Методъ изслѣдованія—сравнительно-историческій. Авторъ въ каждомъ частномъ пунктѣ догматической системы Евсевія указываетъ отношеніе его къ ученію предшествовавшихъ церковныхъ писателей и отмѣчаетъ зависимость его отъ древнихъ философовъ—Платона, Филона, Нуменія и Плотина. Отличавшійся необыкновенною образованностію и широкою начитанностію даже для своей въ высшей степени просвѣщенной эпохи, Евсевій столь же прекрасно былъ знакомъ какъ съ трудами христіанскихъ писателей, о чемъ свидѣлствуетъ его церковная исторія, такъ и съ произведеніями классической философской литературы, выдержками изъ которой онъ наполняетъ свои Praefatio et Demonstratio Evangelicae. Вліяніе со стороны греческой философіи, отъ котораго не были свободны и другіе церковные мыслители, на бого-

словскомъ міровоззрѣніи Евсевія сказывалось особенно сильно,—и эта черта его выставлена авторомъ съ яркой выпуклостью. Связь же, устанавливаемая Мишинымъ между Евсеіемъ и предшествовавшими ему писателями (въ особенности Оригеномъ), даетъ возможность читателю легко уловить какъ зависимые, такъ и самостоятельные взгляды разсматриваемаго имъ дѣятеля.

Творенія Евсевія г. Мишинъ изучилъ во всей ихъ полнотѣ и подробностяхъ,—а этотъ трудъ весьма нелегкій, если принять во вниманіе, что творенія Евсевія занимаютъ собою цѣлыхъ шесть томовъ извѣстной Патрологіи Миня и все таки не обнимаются ими. Извлеченія изъ нихъ наполняютъ цѣлыя страницы его сочиненія, и онъ сумѣлъ подмѣтить и охарактеризовать догматическія воззрѣнія Евсевія какъ въ общей ихъ цѣльности, такъ и во всѣхъ мелкихъ частностяхъ, соединивъ ихъ въ одну цѣльную и стройную систему. Кесарійскій епископъ не находилъ еще до сихъ поръ столь внимательнаго, трудолюбиваго и прилежнаго изслѣдователя, какимъ показалъ себя г. Мишинъ, и потому представленное имъ сочиненіе, въ виду почти полного отсутствія всякихъ болѣе или менѣе обстоятельныхъ работъ о Евсеіи Кесарійскомъ, является цѣннымъ и новымъ вкладомъ въ церковно-историческую науку.

Конечно, оно не безъ недостатковъ. Изъ нихъ отмѣтимъ два главныхъ. Сосредоточивъ свой интересъ исключительно на догматической системѣ Евсевія, г. Мишинъ забылъ о той живой личности, которая скрывается за этой системой. Индивидуальность Кесарійскаго епископа, какъ историческаго дѣятеля, его особое положеніе среди современныхъ событій,— все это могло бы дать автору новые мотивы къ оцѣнкѣ и въ изображеніи его догматики. Правда, онъ всегда ставитъ Евсевія въ тѣсную связь съ предшествовавшими ему церковными писателями, но личныя отношенія Евсевія и историческая роль его выяснены авторомъ неполнѣ. Современная историческая наука требуетъ отъ всякой монографіи, претендующей на научное значеніе, необходимаго и подробнаго знакомства съ главными движеніями той эпохи, къ какой принадлежитъ изучаемый писатель, такъ какъ въ условіяхъ стремленій и потребностей этой эпохи могутъ быть хорошо поняты и воззрѣнія писателя.

Другой недостатокъ труда Мишина—это необычная обширность его. Она не вызывалась необходимостью: то, что можно было сказать на двухъ-трехъ листахъ, онъ распространяетъ на десять и часто возвращается къ одному и тому же вопросу. И, при несомнѣнныхъ научныхъ достоинствахъ работы Мишина, этотъ недостатокъ тѣмъ печальнѣе для него, что онъ обратилъ на себя вниманіе западной науки, гдѣ обусловленная надобностью распространенности и многословности русскихъ сочиненій уже введена въ общую характеристику всего русскаго научнаго творчества въ области церковной исторіи ¹⁾.

Впрочемъ, указывая на эти недостатки, мы не столько хотимъ выразить порицаніе по адресу самого Мишина, сочиненіе котораго безъ всякаго сомнѣнія заслуживаетъ степени магистра богословія, сколько предостеречь отъ подобной опасности его будущихъ преемниковъ“.

б) Отзывъ о сочиненіи преподавателя Калужской духовной семинаріи, кандидата богословія, *Ивана Троицкаго* подъ заглавіемъ: „Обозрѣніе источниковъ начальной исторіи египетскаго монашества“, представленномъ (въ рукописи) въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи на соисканіе степени магистра богословія:

а) Экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ общей церковной исторіи *А. А. Спасскаго*:

„Довольно обширный трудъ (759 стр.—V очень убористаго письма) г. Троицкаго распадается на небольшое введеніе и болѣе или менѣе пространныхъ 10 отдѣловъ, обозначенныхъ отдѣльными заглавіями. Указавъ во введеніи главную задачу своего сочиненія въ оцѣнкѣ сравнительнаго научнаго достоинства новооткрытыхъ коптскихъ документовъ, изданныхъ извѣстнымъ французскимъ ученымъ Амелино, и прежде извѣстныхъ греческихъ источниковъ по исторіи монашества, авторъ тотчасъ же и переходитъ къ изслѣдованію греческаго житія Пахомія (и Теодора) по основному его тексту, напечатанному Болландистами, называя его „самымъ глав-

¹⁾ Man sollte denken, das sich auf den vierten Theil des Raumes bequemer alles sagen liesse, was hier überhaupt gesucht werden kann. Aber die neue russische Arbeiten zur alten Kirchengeschichte leiden durchweg an Weitschweifigkeit. См. отзывъ о сочиненіи г. Годулянова А. Harnack'a (Theol.—Litter.—Zeit. 1906.).

нымъ источникомъ историческихъ свѣдѣній о Пахоміи“ (стр. 7—50). Здѣсь онъ ведетъ рѣчь объ авторѣ житія и времени появленія его, опредѣляетъ научную цѣнность его, и устанавливаетъ на основаніи данныхъ, заключающихся въ этомъ житіи, хронологію жизни Пахомія и Θεодора. Слѣдующій отдѣлъ (56—74) посвященъ изученію втораго памятника, извѣстнаго подъ именемъ Паралипоменъ, и содержитъ въ себѣ характеристику разсматриваемаго сочиненія, защиту его греческаго происхожденія, время написанія и оцѣнку его научнаго значенія. Въ третьемъ отдѣлѣ авторъ разсматриваетъ двѣ остальныхъ греческихъ редакціи жизни Пахомія—Метафраста (так. наз. Суріевскую) и Діонисія Малаго со стороны ихъ взаимнаго отношенія и зависимости отъ главнаго источника (74—94). Обсудивъ на нѣсколькихъ страницахъ (94—108) письмо Аммона къ Теофілу Александрійскому, онъ обращается къ правиламъ Пахомія, сохранившимся въ семи редакціяхъ, подвергая каждую изъ нихъ критическому разбору и устанавливая ихъ подлинный текстъ (143—163). Дальнѣйшій отдѣлъ имѣетъ своимъ предметомъ жизнь Павла Фивейскаго, описанную въ шести разныхъ редакціяхъ; предложивъ характеристику этого памятника и доказавъ дѣйствительное историческое существованіе этой личности, авторъ подробно анализируетъ всѣ сохранившіяся о немъ сказанія, опредѣляетъ ихъ взаимную связь (143—163). Центральнымъ пунктомъ его труда являются слѣдующіе два отдѣла: объ оригиналѣ жизни Пахомія (163—190) и о коптскихъ источникахъ (190—306). Общій результатъ, къ которому онъ приходитъ, выражается въ слѣдующихъ тезисахъ: первоначальное житіе Пахомія появилось на греческомъ языкѣ и написано грекомъ монахомъ, пребывавшимъ нѣкоторое время въ одной изъ обителей, основанныхъ Пахоміемъ, и еще лично слушавшимъ его ближайшаго ученика Θεодора. Мемфитское житіе въ настоящемъ его видѣ представляетъ собою переводъ греческаго, осложненный нѣкоторыми вставками во вкусѣ коптской фантазіи и въ цѣляхъ наибольшаго прославленія Пахомія, хотя и не лишенный всякаго историческаго интереса. Что касается до житія Пахомія и Θεодора, сохранившагося на арабскомъ языкѣ, то оно является ничѣмъ инымъ, какъ только компиляціей коптскихъ (прежде всего мемфическаго) и греческихъ сказаній, составленной къ тому же крайне не-

искусно. Далѣ авторъ переходитъ къ Лавсаику (362—504): установивъ на основаніи чрезвычайно запутаннаго рукописнаго преданія подлинный видъ этого памятника, онъ съ подробною отчетливостью рѣшаетъ всѣ критическіе вопросы, связанные съ содержаніемъ Лавсаика (хронологическія и географическія данныя, авторъ, время появленія и пр.). Далѣ слѣдуетъ отдѣлъ объ апофегматахъ (601—686). На основаніи всѣхъ существующихъ изданій и изслѣдованій (въ томъ числѣ греческихъ и славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библиотеки) здѣсь предлагается обстоятельный и детальный очеркъ состава, происхожденія и характера этого оригинальнаго памятника. Сочиненіе заканчивается (685—759) отдѣломъ, занимающимся изученіемъ „Житія Антонія“, принадлежащаго перу Аѳанасія, архіеп. Александрійскаго, и разбору всѣхъ связанныхъ съ нимъ недоумѣній, направленныхъ къ доказательству его несомнѣнной принадлежности Аѳанасію.

Вопросъ, обсуждаемый г. Троицкимъ, не новый. Послѣ изданія коптскихъ памятниковъ по начальной исторіи монашества въ Египтѣ, сдѣланнаго Амелино и падающаго на 1889—1895 годы, въ западной наукѣ обнаружился усиленный интересъ къ изученію всѣхъ дошедшихъ до нашего времени документовъ, касающихся этой исторіи. Выводы Амелино, за немногими исключеніями, были восприняты Grutzmacher'омъ въ его брошюрѣ „Pachomius und das älteste Klosterleben“ (Leipzig, 1896). За критическую оцѣнку оригинальныхъ теорій, высказанныхъ Амелино, взялся Ladenze, (*Etude sur le cénobitisme Pachomien pendant le IV siècle et la première moitié de V-e*, Paris, 1898) и въ своей основательной диссертации о пахоміанскомъ общежитіи въ 4-мъ и первой половинѣ 5-го вѣка далъ первую научную попытку подорвать главные выводы Амелино. Движеніе, начавшееся собственно съ спеціальнаго вопроса объ историческомъ значеніи памятниковъ, опубликованныхъ Амелино, благопріятно отразилось и на изученіи двухъ другихъ основныхъ источниковъ для первоначальной исторіи восточнаго монашества, тѣмъ болѣе что они отчасти затрогивались открытіями французскаго ученаго. Извѣстный нѣмецкій историкъ Preuschen (*Palladius und Rufinus*, Giessen, 1896) на основаніи спеціальнаго изученія массы рукописей, пытался возстановить подлинный греческій

текстъ „исторіи монаховъ“, обыкновенно приписываемой Руфину и разрѣшить всѣ соединенныя съ этимъ памятникомъ недоразумѣнія. Еще болѣе важное значеніе въ этой области имѣетъ обширный ученый двухъ-томный трудъ Buttler'a „The Lausaic history of Palladius“, напечатанный въ „Textes und Studies“ издаваемыхъ Робинзономъ (Voll. VI, № 1, 1898; № 2; 1904). Въ первомъ томѣ, опираясь на свидѣтельства греческихъ и латинскихъ рукописей и переводовъ сирскихъ, армянскихъ и коптскаго, Бутлеръ не только опредѣляетъ основанія къ возстановленію подлиннаго текста Лавсаика, но и предлагая детально обсужденіе всѣхъ частныхъ, касающихся содержанія этого памятника, онъ даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ критическій обзоръ всѣхъ другихъ источниковъ по исторіи начального монашества (исторія монаховъ, апофегматъ, жизни Антонія, редакцій жизни Пахомія, коптскихъ документовъ, изданныхъ Амелино и пр.). Второй томъ, послѣ обзора рукописнаго преданія о Лавсаикѣ, содержитъ въ себѣ критически-возстановленный текстъ его, снабженный всѣми необходимыми примѣчаніями и указателями ¹⁾).

Такимъ образомъ г. Троицкій шелъ по пути достаточно проторенному. Это, однако, не значить того, чтобы его изслѣдованіе представляло собой простую компиляцію и лишено было всякаго оригинальнаго значенія. Если бы даже онъ ограничился только провѣркой уже установленныхъ въ наукѣ результатовъ на основаніи новаго самостоятельнаго изученія источниковъ, то, въ виду противорѣчія и недостаточной согласованности этихъ результатовъ, и такая работа имѣла бы свой научный смыслъ. Но г. Троицкій далеко не удовлетворился этимъ. Прекрасное знаніе греческаго и латинскаго, а частію и коптскаго языка, давало ему возможность значительно пополнять и расширять прежнія наблюденія ученыхъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда вопросъ казался исчерпаннымъ. Онъ не удовольствовался также и существующимъ печатнымъ матеріаломъ, но привлекъ къ дѣлу греческія и славянскія рукописи нашей Московской Синодальной Библіотеки, обогативъ, такимъ образомъ, науку новыми данными. Такъ

---

¹⁾ Второй томъ, являющійся, такъ сказать, итогомъ изложеннаго въ первомъ томѣ, появился позднѣе сочиненія г. Троицкаго. Первый же томъ былъ у него подъ руками.

ему удалось открыть новую редакцію правилъ Пахомія (стр. 144—147), приложенную въ концѣ его сочиненія, помогшую ему объяснить запутанное взаимоотношеніе нѣкоторыхъ изъ остальныхъ редакцій. Третья редакція жизни Павла Фивейскаго также открыта авторомъ въ спискахъ Синодальной Библіотеки (стр. 324), но пока трудъ его находился еще въ періодѣ рожденія, эта редакція уже успѣла появиться въ печати. Въ изслѣдованіи о Лавсаикѣ онъ знакомитъ читателей съ очень важнымъ греческимъ спискомъ этого памятника, въ которомъ онъ усматриваетъ первоначальную и болѣе точную редакцію, привлекая къ дѣлу также и славянскія рукописи (стр. 400 сл.; стр. 435 сл.). Наконецъ, и въ отдѣлѣ объ апофегматахъ Синодальная Библіотека со служила ему большую службу, предоставивъ въ его распоряженіе одинъ изъ важныхъ списковъ этого источника (стр. 603)

Внося въ научный обмѣнъ совершенно новый матеріалъ разсматриваемое сочиненіе отличается необыкновенно тщательнымъ изученіемъ источниковъ. Критическій умъ и острая наблюдательность позволяли ему подмѣчать характерныя черты и любопытныя мелочи тамъ, гдѣ другіе проходили мимо. Въ аргументаціи своихъ тезисовъ авторъ болѣе, чѣмъ щедръ: нѣкоторыя страницы его сочиненія буквально испещрены цифрами или сравненіями. Какъ на отдѣлы, особенно наглядно свидѣтельствующіе о трудолюбіи и проницательности автора, можно указать на главы о правилахъ Пахомія, о Лавсаикѣ, объ апофегматахъ и пр. Во всемъ своемъ трудѣ г. Троицкій стремится встать на самостоятельный путь: онъ работаетъ не какъ наемникъ, исполняющій только свою обязанность, но мыслить творчески, создаетъ свои теоріи и гипотезы и, по мѣрѣ силъ, обосновываетъ ихъ. Ко всему этому нужно еще присоединить и выработанный стиль автора, отвѣчающій всѣмъ требованіямъ литературнаго вкуса. Несмотря на сухость и однородность матеріала, подлежащаго его изслѣдованію, онъ сумѣлъ не только содержаніемъ его овладѣть вполне, но изложить его въ занимательной формѣ, значительно облегчая этимъ чтеніе его слишкомъ спеціальнаго труда. Напр. изъ такого скучнаго отдѣла, какъ вопросъ объ апофегматахъ, автору удалось сдѣлать очень интересную главу, могущую завладѣть вниманіемъ даже и обыкновеннаго читателя.

Къ недостаткамъ сочиненія автора нужно отнести прежде всего отсутствіе въ немъ надлежащаго введенія, необходимаго въ каждомъ трудѣ, претендующемъ на ученую степень. Авторъ начинаетъ и ведетъ свою работу такъ, какъ будто ничего до него еще и не было сдѣлано; только изъ случайныхъ цитатъ читатель знакомится, что существуютъ на иностранныхъ языкахъ какіе то труды, обсуждающіе тѣ же вопросы. О русской литературѣ по исторіи начальнаго монашества (П. С. Казанскаго, проф. А. П. Лебедева, замѣтки въ Богосл. Вѣстникѣ іером. Палладія) не обмолвился ни словомъ, (за исключеніемъ нѣкоторыхъ ссылокъ на Лавсаикъ арх. Сергія), какъ будто здѣсь ничего не написано. Дальнѣйшимъ недостаткомъ является излишній полемическій задоръ: какъ бы ни были несостоятельны выводы Амелино, къ ученому, ознакомившему науку съ массой новыхъ документовъ, нужно относиться съ большимъ уваженіемъ. Кромѣ того, полемическая точка зрѣнія, господствующая въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ его сочиненія, заставляетъ его забывать о положительномъ содержаніи изслѣдуемаго памятника. Такъ, при изученіи арабскаго текста житія Пахомія, сосредоточивъ все вниманіе на опроверженіи выводовъ Амелино, онъ забылъ сказать о томъ излишкѣ свѣдѣній, находящихся въ немъ, которыя необъяснимы заимствованіями изъ другихъ источниковъ.

Авторъ въ совершенствѣ выполнилъ ту задачу, которая предлежала ему. Онъ далъ обстоятельный и основанный на детальномъ изученіи источниковъ трудъ, составляющій собой вкладъ, не только въ русскую, но, можно сказать, и въ общеевропейскую литературу о монашествѣ. Сочиненіе обнаруживаетъ въ авторѣ человѣка, хорошо знакомаго съ научными приѣмами, умѣло орудующаго ими, и по своему знакомству съ языками (онъ свободно пользуется греческимъ, латинскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, англійскимъ и коптскимъ) вполне подготовленнаго къ научнымъ занятіямъ. Степени магистра богословія онъ за свое сочиненіе вполне заслуживаетъ“.

2) Экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ патристики *И. В. Попова*:

„Изученіе начальнаго монашества представляетъ значительныя трудности главнымъ образомъ со стороны источниковъ. Характерною чертою египетскаго монашества слу-